
Евгений Ищенко
Время, которое будет
18+
ДЕТИ
ПИРАМИДЫ

Евгений Ищенко

Дети Пирамиды-2. Время, которое будет

Серия «Дети Пирамиды», книга 2

https://litres.ru/73918823
SelfPub; 2026

Аннотация

Самая страшная тюрьма — та, из которой не хочется бежать.

Что вы выберете: вечное счастье в иллюзии или право на боль, потери и настоящую жизнь?

В первой книге Кирилл Зотов узнал, что мир — это картина, а он — Максима, способный влиять на её перерисовку. Финал «Времени, которого нет» подарил надежду: Пирамида перезапущена, Истинные переродились. Но оказалось, что это было лишь началом.

Теперь Кирилл заперт в нулевой нише — идеальной петле времени, созданной для тех, кому не нашлось места в новом мире. Его память стирается. Его якоря исчезают. А за стеной поселка шевелится Пустота, которая больше не подчиняется никому.

Чтобы спасти своих друзей, всех, кто ему дорог, Кириллу придётся вспомнить своё истинное прошлое и отправиться в Серый город — туда, где хранятся забытые смыслы и где ждёт правда об исчезнувших богах.

Эпическое завершение саги о времени, памяти и любви, способной переписать законы мироздания.

Содержание

Посвящение 5
Пролог 6
Часть 1. Нулёныш 13
Глава 1. Самый счастливый день 13
Глава 2. Вроде всё то же самое 30
Глава 3. Три ластика 42
Глава 4. Шорох 53
Глава 5. Конфетка с иголочкой 68
Глава 6. Сложные решения 83
Глава 7. Копим якоря! 105
Глава 8. Пять плюс четыре равняется… 122
Конец ознакомительного фрагмента. 124

Евгений Ищенко
Дети Пирамиды-2.
Время, которое будет

Посвящение

Светлой памяти моего младшего брата, Александра…

Пролог

Она выплывала из сна медленно. И это было… неправильно.

Обычно сон отпускал её резко — словно лопалась тонкая плёнка, и она мгновенно оказывалась здесь, в бодрствовании, вся собранная, готовая к действию, натянутая как струна. Никакой вялости. Никакого томления. Только чёткость. Только — ожидание команды.

Но не сейчас. Сейчас всё было… иначе.

Она осторожно прислушалась к себе. К тому, что внутри. К тому, что снаружи. Тишина.

Не та тишина, что бывает между вдохами, когда мир затаился и ждёт. Нет. Это была другая тишина — без вибраций. Без шороха чужих мыслей. Без тёплых волн, что всегда окутывали её, когда Они были рядом.

Они…

Где Они?

Она потянулась своими чувствами — теми невидимыми щупальцами, что всегда находили их. Даже сквозь стены, даже сквозь миры. Пятёрка. Пять разных запахов, пять разных настроений, пять разных голосов, сплетающихся в одну музыку.

Ничего. Пусто.

И от этой пустоты внутри неё что-то дрогнуло. Не страх

— она давно забыла, что это такое. Но… беспокойство. Как будто Она потеряла опору. Как будто мир под ногами вдруг стал зыбким.

Как же так?..

Она замерла, пытаясь понять. Пытаясь вспомнить. И память — вялая, неохотная — начала возвращаться…

Темнота.

Холод. Такой холод, от которого немеет даже мысль. Она металась — маленькая, жалкая, голодная — среди бесконечного Ничто. И не было ничего, за что можно было бы уцепиться. Ни звука. Ни света. Ни тепла. Только она. И голод. Всегда голод.

А потом… Он.

Не такой, как Она. Другой — яркий, громкий, настоящий.

Он нашёл её. Вытащил из темноты. И Она впервые почувствовала… что-то. Не голод. Не холод. А… внимание. Его взгляд на себе. Его руки, что трогали её, изучали, измеряли. Больно. Иногда — очень больно. Но зато — не одиноко.

Он давал ей еду. Маленькие кусочки чего-то… плотного. Вкусного. Она впивалась в них, глотала, и внутри разливалось тепло. Мир. Он кормил её тканью мира. И она училась. Училась слушать его голос. Училась выполнять команды. Училась ждать.

Он не был добрым. Но он был… Хозяином. Её Первым Хозяином. И она привыкла к нему. Стала уважать. Боялась — да. Но и уважала. Потому что без него она снова осталась

бы одна. В темноте. В холоде. Голодная.

А потом он дал ей команду. Последнюю.

Она не помнила — что именно нужно было сделать. Но она пошла. Потому что Он сказал. И нашла… Их.

Пятёрка. Она вспомнила! Как же она могла забыть?

Они были… странными. Не такими, как Хозяин. Не такими, как она. Светлые. Тёплые. Живые. И когда они увидели её, они не испугались. Не прогнали. Не стали делать больно. Они… приручили её.

Как? Она и сама не поняла. Просто однажды она обнаружила, что больше не хочет жрать всё подряд. Что хочет… быть рядом с ними. Слушать их смех. Чувствовать, как они гладят её — осторожно, словно она была чем-то хрупким. Хотя она знала: она вовсе не хрупкая. Она — опасная! Но они не боялись.

Они научили её другому — не жрать.

И это было странно. Непривычно. Внутри неё всё сопротивлялось — её природа, её голод, её суть. Но она старалась. Потому что Они этого хотели. И когда у неё получалось, Они радовались. И Она радовалась вместе с ними. Впервые. Не от сытости, а от… чего-то другого.

Но природа брала своё. Она оступалась. Раз. Второй. Третий. Голод просыпался, и она забывалась. Впивалась в то, что нельзя. Поглощала то, что Они создали. И видела в Их глазах… не гнев. Не ненависть. А… грусть. Разочарование.

И тогда Они заперли её!

Клетка. Странная, прозрачная, но непреодолимая. Она могла видеть Их. Слышать. Но не могла выйти. Не могла прикоснуться к Ним.

Она не обиделась. Нет. Она понимала: Они правы. Она — опасна. Она не умеет себя контролировать. Клетка — это правильно. Это… забота. Чтобы Она не натворила бед. Чтобы Она не причинила Им боль.

Но… где-то глубоко внутри… крошечная, почти незаметная обида. Почему Они не могут просто… доверять ей? Почему всегда запирают? Почему никогда не оставляют рядом надолго?

Иногда Они выпускали её. На чуть-чуть. Поиграть. Помочь достроить мир. Поправить ошибку. И она была счастлива. В эти мгновения она забывала про клетку. Забывала про обиду. Она была с Ними. И этого было достаточно. Почти достаточно.

Потом мир исчез. И Они начали строить его заново. Иначе. Снова привлекая её. Снова запирая. Снова выпуская. Снова запирая.

А потом… Они пропали.

И пришёл Он.

Другой. Не первый Хозяин. Не Пятёрка. Кто-то… новый. Он называл себя странным словом. Лаорх.

Он был… другим. Холоднее Пятёрки. Но теплее первого Хозяина. И он не запирал её. Нет. Он дал ей свободу!

Он научил её новому. Оказывается, можно поглощать не

только ткань мира. Можно жрать… существ. Тех, кто живёт в этих мирах. И это было… вкусно. Не так, как мир. Иначе. Острее. Ярче. Особенно когда существо поглощалось не целиком, а… изнутри. Когда Она вползала в него, занимала его место, смотрела его глазами, слышала его ушами, чувствовала его чувствами. И существо даже не понимало, что его больше нет. Что теперь это — часть Её.

Ей понравилось. Очень. Это было как игра. Как маскарад. Только маски не снимались. И она могла быть кем угодно. Где угодно. Она научилась быть во многих местах одновременно!

Вместе с Лаорхом они создавали миры. А потом поглощали их. Один за другим. И она купалась в ощущениях. В сытости. В свободе. Лаорх никогда не запирал её. Лаорх позволял ей быть собой. И она… полюбила его. По-своему. Как можно любить того, кто даёт тебе то, чего ты всегда хотела.

Но потом исчез и он. Просто… исчез. Растворился. И она снова осталась одна. Голодная. Растерянная.

И снова пришли Они. Пятёрка.

Она обрадовалась. Думала — всё вернётся. Снова будут игры. Снова будут миры. Снова будет… тепло.

Но Они снова заперли её. И на этот раз — крепче. Жёстче. Лишили не только свободы. Лишили возможности жрать существ. Только ткань мира. Только то, что Они разрешат.

Она расстроилась. Нет, не разозлилась. Просто… загрустила.

Ну почему? Почему Они не могут Её понять? Она не хочет быть запертой. Она хочет быть с Ними. Всегда. Не на чуть-чуть. Не «поиграть и обратно». А — навсегда! Разве это так много?

Но Они не спрашивали. Они просто делали то, что считали правильным. И она… смирилась. Что ей оставалось? Они были Её Хозяевами. Её Пятёркой. Её семьёй.

И когда Они снова начали строить миры, снова позвали её помочь, она забыла про обиду. Забыла про Лаорха. Забыла про свободу. Она просто была рада, что Они вернулись. Что Она снова нужна.

Единственное, что кололо — это клетка. Всегда клетка. После каждой игры. После каждой помощи. Щёлк — и Она снова за решёткой. Одна. В тишине. В ожидании.

Почему?..

Она очнулась от воспоминаний. Прислушалась. Тишина. Всё та же. Никого. Ни Пятёрки. Ни Лаорха. Ни Первого Хозяина.

И тут… Она поняла. Клетка — не заперта! Граница, которая всегда держала её, которая всегда отбрасывала её обратно, стоило ей приблизиться… её не было!

Неужели?.. Неужели, Они наконец решили? Может, Они поняли? Может, Они хотят, чтобы Она вышла? Чтобы была с Ними? Не на время. Не для игры. А… навсегда?

Или… может, Они просто приглашают поиграть? Как раньше?

Она не знала. Но надежда — тёплая, робкая, почти забытая — шевельнулась внутри.

Она осторожно потянулась вперёд. Медленно. Осторожно. Боясь спугнуть. Боясь, что граница вдруг захлопнется, и Она снова останется одна.

Но нет. Граница не сопротивлялась. Она пересекла её. Легко. Свободно.

И в этот момент Она вспомнила! Имя. Своё имя. Оно вспыхнуло в сознании — яркое, чёткое, неоспоримое. То самое имя, что дал ей первый Хозяин. То самое имя, что шептали Они, когда запирали её. То самое имя, что рычал Лаорх, когда натравливал её на миры.

Пустота.

Да. Её звали Пустота.

И теперь Она была свободна.

Она хотела играть. И Она была голодна…

Часть 1. Нулёныш

Глава 1. Самый счастливый день

Вы когда-нибудь замечали, как привычные вещи вокруг вас вдруг становятся совсем иными — не такими, какими вы их видели прежде? И я говорю не про забор, который был снесён двадцать лет назад, а потом вдруг появляется на прежнем месте как ни в чём не бывало. Нет. Это было бы глупо, заборы не могут перемещаться во времени!

Я говорю про другое.

Вот вчера, например, ваш сосед по дому вышел на улицу в потёртой куртке на собачьем меху и лохматой барсучьей шапке, а вечером возвращается домой — в аккуратном полушубке и экстравагантном меховом кепи? Или симпатичная продавщица из продуктового магазина вчера тебя одарила многообещающей улыбкой, а сегодня вдруг смотрит букой, хотя ты покупаешь то же самое, и абсолютно так же максимально вежлив и приветлив?

Большинство из вас скажет: «Ну, купил сосед новую одёжку и шапку, что здесь такого? А продавщицы — это вообще иная раса, и учебников по изучению их внеземной психологии никогда написано не будет». И вы будете правы.

Но я думаю, что всё гораздо проще: жизнь вокруг нас

обязана меняться! И люди — тоже. Пусть незначительно, но меняться! Ведь иначе нам просто было бы неинтересно жить, правда? В жизни время от времени должны происходить какие-нибудь приятные странности. Иначе нам будет очень скучно. Кому из нас понравилось бы жить в дне, который всегда будет точно таким же, как и вчера?

Мой сегодняшний день как раз начался с такой вот приятной странности. Я проснулся от запаха свежесваренного кофе! Вот только варить его для меня было некому!

Живу я по-прежнему один. После пятнадцати лет работы в крупной районной школе, после бесконечных собраний «ни о чем», бумажной (и не только) волокиты, и особенно — после последней ссоры с завучем, которая вдруг посчитала, что моя личная жизнь — это роскошь, и решила лишить меня уже третьих выходных подряд, загнав вместо себя на очередной форум, посвящённый «перспективам перспектив», я решил — хватит! Довольно! И написал заявление по собственному.

Первое время я наслаждался абсолютным, пьянящим контролем над собственной жизнью. Занимался собой, спортом, компьютерными играми, пару раз проехался по стране. Но когда денежки стали потихоньку таять, включая мою заначку — деньги от продажи родительской тойоты, я прекратил своё безделье.

Сначала устроился в небольшой магазинчик, торгующий компьютерами и офисной техникой, попутно подрабатывая

репетиторством, но через пару лет понял, что скучаю по школе. По настоящей школе, если вы понимаете, о чём я. И я сделал то, чего сам от себя совсем не ожидал!

Уволился из магазина, собрал вещи и… уехал работать учителем в сельскую школу — почти точную копию той, в которой ещё во времена студенчества проходил преддипломную практику. И не в продвинутое село в тридцати — сорока километрах от какого-нибудь крупного города, а — в далёкий северный посёлок, где время течёт иначе, а люди здороваются, даже если видят тебя впервые.

И вот уже пятый месяц я живу в этом маленьком мире, затерянном где-то между сопками и «бескрайними морями тайги». Сейчас, зимой, снега здесь было столько, что, кажется, он не падает с неба, а вырастает сугробами прямо из земли. Ослепительно-белый, хрустящий, как сахарная пудра, кристально чистый — не то что в городе, где он превращается в серо-жёлтую кашу уже через час…

Сельсовет на радостях, что в школе наконец-то появится настоящий учитель математики, и не придётся опять ломать голову с дистанционными технологиями, вгоняющими детей в бездну невежества и лени, выделил мне служебную квартиру — на втором этаже старого деревянного дома, с кривыми полами, скрипучими ступеньками и… печкой, которую, несмотря на подведённое центральное отопление, всё же нужно было подтапливать по утрам или вечерам. Местная газовая котельная иногда сбоила.

Но мне здесь нравилось. Тишина, снег, простые люди, и дети, которые ещё не совсем испорчены интернетом и гаджетами. Хотя, конечно, без них здесь тоже не обходится. Научно-технический прогресс и так называемые «радости жизни» начинали просачиваться уже и в этот уютный мирок…

Вернёмся к кофе!

Я сполз с кровати, и, не открывая глаз, попытался нашарить ногами тапочки. Левый, правый... Правый?.. Пришлось открыть один глаз. А, вот ты где…

Нашарил рукой на тумбочке очки и нацепил их на нос. И только теперь открыл второй глаз. Что у нас сегодня? Верно, — среда! Середина недели… На настенных электронных часах — шесть пятьдесят утра.

Вздохнул и пошлёпал в уборную. Оттуда — на кухню.

Здесь было прохладно, но терпимо. Печь ещё держала тепло с вечера. На столике рядом с печкой дымилась кружка свежесваренного кофе. Кофеварка ласково и заботливо смотрела на меня подмигивающим зелёным глазом. Вот оно что! Наверное, вчера вечером я всё-таки поставил кофеварку на таймер, просто заработался и забыл. Старею, что ли? Хотя какое там старею? Мне ещё и сорока нет!

Глоток кофе окончательно вернул меня в этот мир.

Всё! К подвигам, как говорится, готов! Голова, правда, немного гудела, словно я не контрольные проверял до двух часов ночи, а до самого утра пялился в монитор ноутбука, залипнув на сериал. Ничего, приму таблетку, и всё пройдёт.

Бывает.

На столе рядом с кофеваркой — районная газета недельной давности (она выходит по средам, но нам её привозят раз в неделю по субботам), стопка проверенных тетрадей, и — несколько крошек от печенья, — следы моего ночного бодрствования. Я вытер стол, поставил вариться овсянку и принялся за нарезку бутербродов. Радио пропикало семь утра, и начались новости. Там, как всегда, бодро вещали о зимней погоде, о ценах на бензин и о том, как в соседнем районе во время сильного бурана на площади повалило украшенную городскую ель, которую ещё не успели убрать после новогодних и рождественских гуляний. Жалко ёлочку…

До начала последнего месяца зимы оставалось меньше недели, организм уже вошёл в ритм после долгих новогодних каникул, которые даже тут, на краю земли, прошли вполне себе достойно и очень даже весело…

Позавтракав, я быстро собрался, накинул на себя пальто, напялил шапку, отработанным движением намотал поверх воротника длинный шарф, подхватил портфель и вышел на лестничную клетку. Пока запирал дверь, услышал позади скрип деревянной лестницы и, оглянувшись, увидел своего соседа. Дядя Миша, пенсионер со стажем, и по совместительству — водитель местного главы сельсовета, поднимался мне навстречу, растирая красные от мороза руки. Его голова буквально утонула в огромной и смешной барсучьей шапке.

— Здорово, Кирилл Николаич! — гаркнул он, как всегда. — Морозец сегодня, а? Еле-еле свою колымагу разогрел. Даже свою жену у меня разогревать быстрее получалось… Кхм, да… Тебя подбросить до школы?

Я улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Нет, спасибо, дядь Миш, я пройдусь!

— Как знаешь! — дядя Миша толкнул дверь своей квартиры, и с порога заорал внутрь. — Танюха! С праздником! Обед мне собери, мы сегодня к лесникам едем! Только не щи эти твои…

Интересно, что у них за праздник? А, ну да! Сегодня же 25 января — Татьянин день!

Дверь за ним закрылась. Хороший мужик — дядя Миша. Простой. Но вот эта его шапка… Вроде как вчера я его видел в каком-то нелепом кепи, но, видимо, это была игра света. Или я просто недоглядел. В конце концов, какая разница, в какой он шапке? Наверное, я просто пытаюсь увидеть то, чего нет. Непонятно только — зачем?..

На работу я пошёл на своих двоих. Школа была в пятнадцати минутах ходьбы, через заснеженную улицу, вдоль старых деревянных сараев, мимо ФАПа и универсального магазина, торгующего одновременно и продуктами, и канцелярией, и бытовой химией, и детскими игрушками.

Солнце ещё не проснулось до конца — день хоть и пошёл на прибавку, но по утрам было по-прежнему не очень светло. Снег под ногами хрустел с тем самым звуком, который

обещает, что до весны ещё далеко, но она обязательно будет! Ну а как иначе?

У крыльца ФАПа стояла Оля — местный фельдшер, и моя… пока — просто подруга. Мы стали общаться с ней после того, как я сильно обжёг руку, первый раз пытаясь растопить печь в квартире и чуть не устроив настоящий пожар. За те несколько дней, в течение которых я посещал медицинский пункт, где Оля меняла повязки на моей повреждённой конечности, мы успели проникнуться симпатией друг к другу, и в итоге стали встречаться. Посетили пару самодеятельных концертов в местном ДК, организовали осеннюю прививочную кампанию для школьников (я оказался единственным добровольцем от педагогического коллектива), вместе встречали Новый год в клубе. Она разведёнка, без детей, младше меня лет на десять, как говорит она сама, и я делаю вид, что верю. Спокойная, немногословная, с добрыми и печальными карими глазами. Я ей нравлюсь, это видно. И мне она тоже нравится. У нас с ней было кое-что общее: и она, и я были здесь новыми жителями, оба приехали сюда, оставив далеко позади своё прошлое, которое нам вдруг показалось серым, однообразным и неправильным.

Но пока у нас с Олей всё было как-то… в подвешенном состоянии. До жарких поцелуев и более интимных разговоров мы ещё не дошли…

— Доброе утро, Кирилл, — поприветствовала она меня, поправляя сбившийся капюшон своей курточки. — Мороз

крепчает!

— Доброе, Оль! — приветливо кивнул я в ответ. — Да, зима в этом году щедрая!

— Ты обещал помочь с компьютером. Он опять не включается. — Оля смущённо улыбнулась.

— После уроков зайду, — пообещал я.

Возле магазина на скамейке сидела старушка и кормила вечно голодных голубей. Та же самая старушка, что и вчера. И позавчера. Она всегда сидит здесь по утрам, и такие вещи успокаивают. Они говорят тебе, что мир стабилен. Я помахал ей рукой, а она опять сделала вид, что не заметила меня…

Одноэтажное здание школы гудело, как маленький растревоженный улей. Дети — это всегда хаос. И это тоже успокаивало меня. К тому же принятая ещё дома таблетка уже подействовала, и головная боль меня совсем не беспокоила.

Урок геометрии в 9 классе. Мой любимый класс! Не потому, что они умные и всегда готовы к урокам — как раз наоборот. Они… живые. Любят поспорить, отвлечься на свои «важные» дела, поговорить не о математике, задать неудобные вопросы.

От учительского стола мне видно, как Светка Петрова задумчиво рисует в своей тетради аккуратные сердечки. Женя Перевалова, преданно глядя мне в глаза, пытается незаметно примостить под большим пеналом свой телефон. На лице Артёма Синякова — новый фингал под глазом, он опять оправдывает свою фамилию. Егор Смирнов на задней парте

дремлет, делая вид, что внимательно читает перевёрнутый вверх тормашками учебник. Двое отсутствуют по болезни… Класс небольшой, в нём всего шесть учеников. Детей в посёлке было немного…

— Итак, — начал я, открывая журнал. — Золотое сечение. Божественная пропорция. Кто помнит, чему она равна?

Тишина. Ну, это классика…

— Ну же, будущие Леонардо, это же основа гармонии!

Светка подняла руку. Я знал, что она поднимет. Умная девчонка. Мне иногда даже казалось, что ей здесь скучно. Да и выглядела она явно постарше своих ровесников. Если те ещё только подходили к резкому переходу от нервных подростков к не менее нервному, но уже со сформированным ощущением собственного «я» юношеству, то Светка этот рубеж миновала как минимум ещё год назад. Я определил это не столько по её внешнему виду, сколько по её отношению к своим одноклассникам — не снисходительному, а, скорее, — равнодушно-терпимому. Или это одно и то же?..

— Примерно один и шестьсот восемнадцать тысячных, Кирилл Николаевич, — сказала она, не отрываясь от рисования очередного сердечка.

— Умница, — похвалил я. — Только не «тысячных», а просто «один и шестьсот восемнадцать».

Она кивнула и снова уткнулась в тетрадь. Я продолжил рассказывать о Фибоначчи, спиралях в раковинах и галактиках, о том, как математика и искусство связаны на самом

глубоком уровне, и как это отражается в архитектуре. Я любил эту тему. Мне казалось, что именно в такие моменты я был не просто учителем. Я был… на своём месте.

После урока геометрии — урок информатики. Да, не удивляйтесь, закон любой маленькой школы: если ты математик, значит, ты — и информатик, как и наоборот…

Интернет в школе работал стабильно, потому что областные власти очень ответственно подошли к реализации какого-то федерального проекта, а местный староста оказался весьма деятельным и создал для подрядчика наилучшие условия для работы. И потому сейчас скоростной интернет был не только в школе, но и в сельсовете. А вот в самом селе — беда. Мобильный интернет тянул еле-еле, а обещанное подключение всех домов к Всемирной паутине откладывалось и откладывалось. Говорят, грядущей весной вот прямо точно сделают! Ну-ну…

Поговорили про IP-адресацию, создали проекты собственных сайтов, под конец урока — тест. Всё… Девятый класс до завтра от меня освободился, а мне теперь пора в 5 класс — дроби зовут!..

Полдня пролетело быстро.

В учительской Марина, наша молодая химичка-биологичка, опять рассказывала про своего нового парня.

— …и он мне такой говорит: «Марин, ну куда мы в феврале?». А я ему: «Серёж, давай в Сочи!». А он мне, представляете: «Марин, у меня отпуск только в марте!»

Я улыбнулся. Бедная Марина. Каждый день одно и то же. Хотя нет, вчера парень был другой. Коля, кажется. Ну, бывает. У девушек сейчас всё быстро.

— Да кто тебе даст отпуск в школе в феврале? — ворчливо отозвалась Маргарита Ивановна, учитель русского языка и литературы. — Лето тебе на что?

— Личная жизнь, Маргарита Ивановна, должна быть у человека на первом месте! — обиженно, но гордо заявила ей в ответ Марина.

— Личная жизнь, Мариночка, у тебя начнётся после семидесяти!.. — продолжала гнуть свою линию Маргарита Ивановна. Ей уже за шестьдесят, и как поговаривали педагоги, в семейной жизни у неё был полный швах. Но, если верить её же жизненным установкам, лет через пять-шесть случится и на её улице праздник…

— А мы лета подождём! — словно не замечая женских пикировок, скромно обронил Семён Викторович, учитель физики — мой ровесник и счастливый семьянин. — Планируем по Золотому кольцу всей семьёй, ребятишки давно просятся. А среди учебного года это — да, потом нагонять много придётся…

— Даже работая в школе, всегда можно найти время для личной жизни! Верно, Кирилл Николаевич? — это уже наша школьная вожатая, Нина, включилась в разговор.

Молоденькая, симпатичная, с косичками, всегда улыбается мне слишком широко, и всё время чего-то от меня ждёт.

Вот и сейчас — вопрос явно с подвохом…

Я с дежурной улыбкой киваю ей и быстро нахожу предлог, чтобы смыться из учительской. Нина хорошая, но… не моя…

День пролетает незаметно. Я проверил самостоятельную работу (Смирнов опять списал у Светки, даже сердечки перерисовал), провёл пару дополнительных занятий с отстающими из 5–7 классов, настроил директору школы по его просьбе принтер (помочь начальнику — святое дело!) и подсобил тёте Зине, нашей школьной уборщице. Расставил стулья в учебных аудиториях. Обычный день. Хороший день. Наверное, самый счастливый день в моей жизни… Всё получается, ты — всем нужен и полезен. И никаких тревог, никаких мыслей, что завтра тебя обязательно навестит что-то нехорошее…

Возвращаясь домой, зашёл в магазинчик, купил печенье, пакетик любимой сливовой карамельки и пачку овсянки. Обменялся с продавщицей улыбками, и только тут вспомнил о просьбе Оли помочь ей с компьютером. Ох, а она ведь ждёт! Ну, время-то ещё не позднее…

Оля, видимо, заприметив меня в окно своего кабинета, выскочила прямо в одном халатике на крыльцо ФАПа, когда я был ещё в нескольких метрах от здания. Вот же, закалённая какая!

Мы прошли к ней кабинет.

— Не могу внести данные в систему, не включается со-

всем… — Оля стояла рядом и хмурила брови.

— Сейчас посмотрим!

Я пощёлкал кнопками на системном блоке — тишина. Блок питания, что ли, накрылся?

Скинул пальто и залез под стол, кое-как разместившись там в неудобной позе. Сам ФАП был новый, его сдали только в прошлом году, но вот мебель внутри была старая, наверное, ещё с советских времён. Стол был огромный, с полированной столешницей, помнящей, наверное, ещё времена чернильниц и перьевых ручек. Но с моим ростом и под ним было не очень удобно. Выгнувшись в самой невероятной даже для йогов позе, я стал шарить рукой в темноте, пытаясь нащупать среди переплетённых и завязанных в морские узлы проводов самый нужный.

Рядом что-то мелькнуло. Ага! Это Оля присела на кресличе рядом со столом. На её ножках — красивые, ярко-красные туфельки на высоком каблуке, что очень странно, учитывая их не очень подходящую неустойчивую конструкцию для человека, который весь день на ногах… Прямо перед моим лицом замерли её круглые, туго обтянутые колготками, коленки. Блин, Оля… Руки, наконец, нашарили нужный мне провод. Он оказался просто отключён от системного блока. Эх, женщины…

— Ольга Сергеевна! — раздаётся сверху голос ворвавшейся в кабинет медсестры. — Там Валентину Петровну её зять привёз, у неё опять гипертонический криз!

Слышу глубокий, полный раздражения вздох.

— Иду!

И Оля вышла из кабинета. Я осторожно вылез из-под стола и запустил компьютер, который, разумеется, тут же исправно включился. Выйдя в коридор ФАПа, я увидел, как Оля суетится возле полной пожилой дамы, и издалека помахал ей рукой, жестом показав, что, мол, всё в порядке, а я пошёл. Она грустно улыбнулась и кивнула в ответ. Всё, пора домой!

На обратном пути, проходя возле старого сарая, я заметил, как в снегу что-то блеснуло алым цветом. Интересно… Подошёл, наклонился и поднял маленький блестящий предмет — старую октябрятскую звёздочку. Потёртую, с трещинкой, юный Ильич в центре почти стёрся. Наверняка какой-нибудь местный старик, разбирая хлам в сарае, случайно уронил.

Я повертел значок в руках, вспомнив, что в детстве у меня была точно такая же звёздочка. Правда, очень недолго. Пионером же мне стать вообще не удалось. Тогда в стране както быстро всё поменялось…

И куда её теперь? Бросить обратно, чтобы лежала в снегу до весны, а потом оказалась втоптана в грязь? Рука у меня на такое не поднимется. Хм, а, может, начать собирать старые советские значки? Почему бы и нет? Вот с неё и начну, вещьто атмосферная!

Сунул значок в карман и пошёл в дом.

Сварганив на скорую руку простенький холостяцкий ужин, я решил позвонить Лёвочке — своему старому другу, который по-прежнему работал физруком в той же школе, где раньше отбывал трудовую повинность и я.

— Ну как ты там, в снегах? — абсолютно искренне поинтересовался Лёвочка.

— Как в сказке! Леплю снежных баб, катаюсь с горок, играю в снежки, а на обед питаюсь медвежатиной и олениной! Вот только интернет здесь — как в девяностых... — отшутился я.

— Хм… — судя по тону, перечисленные мной прелести сельской жизни Лёвочку ничуть не смутили, а наоборот — заинтересовали. — А дети?

— Дети тут золотые! Мотают нервы, конечно, но по-доброму. Уважают, слушают, иногда даже здороваются.

— Ха! Ну, нормально! Слушай, а может, на рыбалку махнём? Я как раз отпуск беру. Приехал бы к тебе, у вас там, говорят, подлёдный лов на реке убойный…

— Какой отпуск в школе в феврале? — удивился я, тут же вспомнив спор в учительской.

— Да у меня ещё с прошлого года кусок неотгуленного остался, директриса мне неделю даст, я тут как раз школьную команду на новогодних областных соревнованиях в призеры вывел. Короче — заслужил! А больше недели нам с тобой и не надо! Мне снежные бабы не нравятся, мне горячие больше по душе!..

Друг заржал в трубку, и я невольно тоже заулыбался. Лёвочка — такой Лёвочка…

Поболтали ещё о том о сём, и закончили разговор, пообещав друг другу созвониться через недельку. Мне Лёвочка даже поручение дал — узнать у местных мужиков, где рыбачат, какую рыбу ловят, и на что лучше клюёт.

После разговора я почувствовал себя действительно счастливым человеком. Как-то тепло на душе было…

Попытался поиграть в онлайн-стратегию. Безуспешно. Интернет дома — как капля в пустыне. Всё виснет, вылетает, нервирует. Мобильный — та же история, только сообщения в мессенджере пересылать, не более того. Я плюнул на свои попытки получить геймерский кайф и выключил ноутбук.

Печка на кухне умиротворяюще трещала сосновыми поленьями, лёгкий запах горящей древесины работал получше медитационных благовоний. За окном на белую и пушистую землю тихо падал такой же белый и пушистый снег.

Я заварил ромашковый чай, и пока он настаивался в маленьком металлическом чайничке, решил немного поваляться на кровати с томиком детективных историй. Перед этим, вспомнив про найденную на улице октябрятскую звёздочку, достал её из кармана пальто и положил на тумбочку у кровати, дав себе обещание завтра купить отрез какой-нибудь ткани. Ну, видел я, что собиратели значков цепляют свои сокровища на какое-то полотнище над своей кроватью! Вот и у меня будет такое же!

Пиликнул телефон. Оля прислала мне фото рыжего котёнка, который утром забрался к ним в ФАП. Я ответил, что это наверняка кот отсоединил провода на её компьютере, и что его надо за это напоить самым вкусным молоком на свете. Она отправила мне смеющийся до слёз смайлик. А потом, через короткую паузу — сердечко. Я решил ничего не отправлять. Потом подумал, и всё же послал ей такое же. Спохватился, хотел удалить, но… передумал. К тому же, судя по двум синеньким галочкам внизу сообщения, она моё сердечко уже увидела.

Вот ведь… Современные средства связи напрочь убили в нас ответственность за свои слова. Смайлики заменили наши чувства. Вот отправил я Оле это сердечко, и — что? Я только что таким образом признался ей в любви? Ну, нет же! Если бы сейчас она была рядом, и вместо своего сердечка сама сказала бы мне, что испытывает ко мне какие-то чувства, то что бы я ей ответил? Спрятаться за цифровым смайликом я бы уже не смог… М-да… Надо разбираться в своих чувствах к Оле, и как можно скорее!

Заснул я поздно. А снег за окном всё шёл и шёл.

Глава 2. Вроде всё то же самое

Зима на Дальнем Востоке — это когда утро наступает только к середине второго урока. Я всегда просыпаюсь рано, когда за шторами в окнах ещё стоит плотная, ватная темнота. Но даже эта тьма кажется мне уютной.

Я нашарил рукой очки на тумбочке и нацепил их на нос. На настенных электронных часах — шесть сорок пять утра. Среда. Середина недели, мой любимый экватор! Ещё три дня поработаем, и — выходные. Хорошо, что в местной школе пятидневка! В субботу можно предложить Оле покататься на лыжах, а вечерком устроить романистический ужин. Хотя не рановато ли для подобного шага?..

Тапки нашлись быстро, и я, сделав небольшую остановку в уборной, вышел на кухню.

Тут было зябко, печка за ночь подостыла, а местная котельная в сражении с январским морозом пока проигрывала. Свет на кухне я включать не стал и шлёпал по скрипучим половицам, ориентируясь на единственный яркий огонёк в этой пустоте — зелёный глаз кофеварки. Всё-таки великая вещь — таймер. Ароматный кофе уже ждал меня…

На столе лежала районка «Таёжный вестник». Свежая, хоть и недельной давности по дате. Радио радостно сообщило, что сегодня 25 января, и что в соседнем районе бураном повалило главную ёлку. «Бедное дерево», — подумал я в со-

тый раз… стоп, почему в сотый? Просто к слову, наверное…

Я быстро собрался. На лестнице меня встретил дядя Миша. На его голове красовалась огромная, лохматая шапка из лисьих хвостов. Мне кажется, или вчера у него была шапка из барсучьего меха?

— Здорово, Кирилл Николаич! Морозец — во! — сосед растирал свои замёрзшие руки. — Еле машину завёл. Тебя подвезти?

Я вежливо отказался, и сосед потопал в свою квартиру, ещё с порога крича своей жене о необходимости сбора «тормозка».

У ФАПа меня перехватила Оля. Она выглядела очаровательно в своей красной курточке на меху.

— Кирилл, доброе утро!

— Привет, Оль! — улыбнулся в ответ. — Ты чего тут мёрзнешь?

— Тебя ждала. У меня в кабинете полка разболталась, боюсь, все документы скоро на голову полетят. А рабочего у нас нет, сам знаешь. Починишь?

— Обязательно, Оль! — кивнул я. — Сейчас уже не успею, у меня с первого урока сегодня, и до конца... Ты инструменты приготовь, а я после школы забегу!

Возле магазина старушка на скамейке крошила хлеб голубям. Птицы хлопали крыльями, взлетая и опускаясь на снег, ворковали, благодаря сердобольную женщину. Я приветливо помахал ей рукой. Она не заметила.

Урок геометрии в 9 классе. Светка Петрова, скучая, рисовала в тетрадке сердечки. Когда я спросил про золотое сечение, она ответила: «Один и шестьсот восемнадцать», — и вздохнула так тяжело, будто это число было грузом всей её пятнадцатилетней жизни. Молодец, подготовилась к уроку! А остальные?

Женя Перевалова косится на спрятанный под пеналом телефон. Пожелтевший фингал на лице Артёма Синякова... Странно, вчера вроде у него ничего на лице не было… Егор Смирнов на задней парте зевает уже в какой раз, грустно поглядывая то на часы, то в окно. Двое отсутствуют по болезни… Вот такой вот класс…

В учительской Марина, учитель биологии и химии, страдала по поводу отпуска:

— …и он мне такой говорит: «Марин, ну куда мы в феврале?». А я ему: «Серёж, давай в Сочи!». А он мне: «Марин, у меня отпуск только в марте!»

— Твоя личная жизнь начнётся только после семидесяти! Ты учитель! У детей ОГЭ на носу, готовить надо, а она в отпуск собралась! — ворчала Маргарита Ивановна, пытаясь справиться с кнопками потера.

Я помог ей наполнить чашку кипятком, и она благодарно мне кивнула.

— А мы с детьми летом по Золотому кольцу прокатимся! — добродушно поведал всем наш учитель физики.

Вожатая Нина, не встревая в их разговор, проходя мимо,

легонько коснулась моего плеча и прошептала: «Кирилл Николаевич, а вы не хотите завтра помочь мне с плакатами к 23 февраля? Вечером, когда все уйдут…»

Я вежливо отказался, сославшись на проверку тетрадей, и вышел из учительской.

Вечером, уже возвращаясь от Оли (полку, не особо-то и качающуюся, я прикрутил за пять минут, заодно и чаю попили, обсудив породу приблудившегося к медикам утром котёнка), я заметил у сарая что-то блестящее. Это была старенькая октябрятская звёздочка.

Выбрасывать не стал, решив начать коллекционировать старые значки. Должно же быть у меня здесь какое-то хобби?

День прошёл очень положительно, настроение было прекрасное. А звонок Лёвочке окончательно закрепил успех этого дня. Мы договорились о рыбалке в феврале.

— Приеду, Кир, обязательно приеду! У вас там, говорят, подлёдная рыбалка — просто бомба! Мне тут как раз на Рождество новый термос трёхлитровый подогнали, вот и обновим!

— Жду, друг, жду! — улыбался я в телефон.

Перед сном положил звёздочку на тумбочку. Завтра надо будет зайти в магазин, купить ткань и сделать полотно для значков…

Сегодняшняя среда началась с запаха кофе. Я, видимо, вчера вечером на автомате поставил таймер на утро. Я этого

не помнил, но мысленно погладил себя по голове. Ах, какой я молодец!

Я нашарил очки на тумбочке, надел их, кое-как нашарил ногами тапочки, зашёл в уборную, потом на кухню. Печка остыла, и тут было немого зябко. На столе одиноко лежала газета, которую я никак не соберусь выкинуть. Пригодится — под сковороду с яичницей подложить, или на растопку печи пустить, а то старые газеты уже скоро закончатся.

Позавтракал, оделся, вышел из квартиры. На лестнице дядя Миша — в какой-то нелепой, но явно дорогой каракулевой пилотке.

— Здорово, Кирилл Николаич! Морозец сегодня — во! Колымага еле завелась, собака такая! Моя Танюха и то быстрее заводится! Тебя подбросить?

Я задумчиво молчал, глядя на его шапку. Вроде вчера была лисья, или нет?

— Танюха, щи мне не наливай! Я к лесникам сегодня, лучше сухомятки какой, на закуску, хы-хы!.. — не дождавшись от меня ответа, сосед уже вваливался в свою квартиру. — А вечерком Татьянин день отметим…

Оля у крыльца ФАПа уже ждала меня. Чего это она мёрзнет, без шапки? Хоть бы капюшон накинула, что ли…

— Кирилл, доброе утро! — улыбнулась мне Оля. — Выручай, а? У меня в процедурке замок на шкафчике заклинило, а там журналы отчётности. Посмотришь после школы?

— Конечно, Оль. Зайду обязательно!

— Ой, смотри, какой котик!

Возле её ног, громко мурлыча, крутился рыжий пушистый котёнок. Интересно, откуда он так незаметно взялся? Замёрз, бедолага…

— Пойдём, я тебе чего-нибудь вкусненького дам! — Оля пропустила котёнка вперёд себя и пошла следом.

Кормящая голубей пожилая дама на мой приветственный жест даже глазом не повела.

На уроке геометрии звёздочка класса Светка Петрова лениво рисовала сердечки.

Когда я спросил про золотое сечение, она ответила, даже не поднимая головы:

— Один и шестьсот восемнадцать… — в её голосе сквозила такая невыносимая скука, будто она объясняла мне в тысячный раз таблицу умножения. — Кирилл Николаевич, мы это когда-нибудь закончим?

— Гармония бесконечна, Светлана! — наставительно, но не строго заметил я. А про себя подумал: «Мы же только начали эту тему… Чего это она так? Опять перед уроком научных статей начиталась?..»

Посмотрел на остальных учеников. Мне показалось, или у Синякова под глазом был синяк?

В учительской Марина мечтала об отпуске в феврале, но Маргарита Ивановна начала читать ей лекцию о педагогической совести, и я, не дожидаясь назревающей войны миров, поспешил выйти из учительской, попутно очень вежливо от-

шив Нину, приглашавшую меня на дискотеку в клуб.

После «шефского» посещения ФАПа и устранения неисправности в замке шкафчика (за пару секунд подкрутил один винтик), возле старого сарая нашёл октябрятский значок. Это знак, что пора найти себе какое-нибудь занятие! Начну, пожалуй, коллекционировать старые советские значки, чем не увлечение?

Вечером приготовил ужин, поболтал с Лёвочкой про рыбалку (он обещал привезти какой-то чудо-термос), растопил печь, немного попереписывался с Олей, обсуждая с ней рыжего котёнка и его сбалансированное кошачье меню, и к 11 часам вырубился.

Утро среды выдалось просто прекрасным!

Я проснулся в отличном настроении. Среда — это всегда хорошо, середина недели, дел накопилось много, но все они — в радость! На кухне уже вовсю пахло кофе — кажется, вчера вечером я выставил помол чуть крупнее, аромат стал более терпким. Здорово!

Я надел очки и выудил ногами тапки, пытавшиеся спрятаться от меня под кроватью. Радио бодро рассказывало о поваленной новогодней ели в соседнем районе. Кофеварка дружески мигала зелёным глазом.

Всё было хорошо. Хорошо как всегда!

На лестнице дядя Миша гаркнул приветствие про разогрев машины и жены.

На крыльце ФАПа — Оля. Пройти мимо было никак нельзя, всё-таки мы пытаемся строить отношения…

— Кирилл, доброе утро! Зайдёшь после уроков? База не грузится, а я в этом совсем ничего не понимаю, — голос у Оли был озабоченным, а вот в глазах плясали чертенята. Что-то затевает?

— Зайду, конечно, не волнуйся!

Старушка кормила голубей, рассыпая перед ними семечки подсолнуха. Не хлеб? Когда я поднял руку, чтобы ей помахать, она отвернулась. Слепая она, что ли?

Урок в девятом классе пролетел на одном дыхании. Класс сегодня был особенно тихим. Все вяло слушали про Фибоначчи, так же вяло отвечали на мои вопросы. Потом — урок информатики, математика в пятом классе — дроби, звонок с последнего урока…

Марина в учительской снова ворковала в телефон: «Сереж, ну какие Сочи в феврале? У меня отпуск в марте!». Маргарита Ивановна злобно зыркала в её сторону и ждала, когда та закончит телефонный разговор...

Я, наблюдая за ними, только улыбнулся. Как всё-таки здесь всё правильно, и на своих местах!

Вожатая Нина пыталась зазвать меня на какой-то вечер «Кому за…», но я ловко увернулся. Не моё это… И у меня вроде как есть Оля…

Зашёл в магазин, потоптался у прилавка, вспоминая, что хотел купить. Не вспомнил. Взял сливовых карамелек, ов-

сянку и десяток яиц. Подумал и добавил зачем-то пачку молока.

У Оли в ФАПе познакомился с милым рыжим котёнком, приблудившимся этим утром. Пригодилось купленное молоко.

Возвращаясь от Оли из ФАПа (база в моём присутствии неожиданно начала грузиться без проблем), наткнулся на лежащий в снегу старый октябрятский значок. Решил начать с него свою коллекцию.

Лёвочка позвонил в середине вечера.

— Ну как ты там, в снегах? На рыбалку махнём? Я отпуск взять собираюсь.

— Приезжай, — ответил я. — Тут, говорят, подлёдный лов просто отличный! Только термос свой новый возьми.

— Откуда ты знаешь, что мне термос подарили? — удивился он.

Я и сам не знал. Просто угадал. Бывает же такое единомыслие у старых друзей?

Вспомнил про найденный значок, достал его из кармана пальто и положил на тумбочку. Завтра что-нибудь придумаю, на что его прицепить, чтобы начать формировать коллекцию. Над кроватью будет смотреться лучше всего!

Уснул быстро. Снег за окном был таким белым, что казалось, он светится сам по себе.

Проснулся я в полной темноте. Шесть тридцать три утра.

Надо же, что-то я сегодня проснулся раньше обычного!

Среда. На кухне шумела кофеварка, наверное, включился таймер, выставленный мной вчера вечером.

Хорошо всё-таки здесь, не то что в городе! Позволив себе немного побалдеть под одеялом, я, наконец, решился на подъём. Привычно потянулся к тумбочке, чтобы взять очки. Пальцы коснулись прохладного металла. Но это были не очки, а что-то маленькое…

Я осторожно ощупал предмет. Холод острого металла неприятно кольнул подушечку пальца. Водрузив на нос очки и прищурившись, я вгляделся в предрассветные сумерки.

На краю тумбочки лежал… значок?

Щёлкнул настенным светильником и рассмотрел находку внимательнее. Октябрятская звёздочка. Потёртая рубиновая эмаль, трещинка на левом луче, выцветшее лицо маленького Володи Ульянова.

Откуда она здесь? Я не клал её сюда. Я вообще видел такой значок… когда? В детстве? В детстве… Память со скрипом вдруг спроецировала перед глазами спортивный зал. Мы первоклассники — стоим стройным рядом, а кто-то из старших ребят торжественно прикрепляет на грудь каждому из нас эти знаки принадлежности к огромному советскому братству юных ленинцев…

Воспоминание ушло так же резко, как и пришло, оставив после себя лишь давно забытый запах советской школы — смесь запахов свежей краски, старой пыльной бумаги и жа-

реных котлет…

Покрутил значок между пальцами. Он был холодным. Тяжёлым. Настоящим.

А из кухни уже доносился ровный, уютный аромат свежесваренного кофе и голос диктора.

— …в соседнем районе, во время сильного бурана, на площади повалило украшенную городскую ель, которую ещё не успели убрать после новогодних гуляний…

Я перевёл взгляд на электронные часы на стене. Среда. 25 января.

Но ведь среда была вчера? Или вчера был вторник? А позавчера?..

— Ёк-макарёк… — прошептал я, и это был первый раз за всё время, когда я вдруг чему-то не нашёл логичного объяснения. Что-то было не так…

Часы на стене мигали цифрами. Я понял, что сижу в этом ступоре уже минут десять, не меньше. Чего это я? Я же так в школу опоздаю!

За стеной послышался тяжёлый скрип лестницы. Дядя Миша спускался во двор, чтобы начать прогревать свой УАЗ.

Я замер. Дыхание вдруг перехватило. Пазл в голове с лязгом сошёлся, выдав картинку, от которой меня мгновенно прошиб ледяной пот.

Я теперь почему-то знал, что будет дальше: разговор с дядей Мишей на лестнице, Оля у ФАПа, старушка с голубями,

урок, учительская, магазин, снова — ФАП, значок, разговор с Лёвочкой, ужин, сон…

Или всё будет не так? Но откуда тогда взялась такая странная уверенность в том, что будет именно так, и не иначе?!

Ладно, допустим, что это будет… Но вот чего пока ещё абсолютно точно не должно было быть, так это — значка на моей тумбочке! Значка, который я сейчас держал в своей руке.

Потому что я его ещё не нашёл!..

Глава 3. Три ластика

— Так, спокойно, — сказал я в тишину сам себе. Голос прозвучал глухо. — Давай-ка, Кирилл, рассуждать логически!

Я включил в себе учителя математики — того, который объясняет девятиклассникам, почему икс не может быть равен нулю. Логика — мой конёк. Я всегда учил детей, что у любого следствия обязательно должна быть причина. Итак, приступим!

Факт первый: Я нашёл этот значок сегодня утром на своей тумбочке.

Факт второй: Я точно помню, что вчера его здесь не было. Я бы заметил, когда ставил телефон на зарядку или убирал перед сном свои очки.

Вывод: Кто-то проник в квартиру ночью и подбросил его!

Против вывода: Дверь заперта на два оборота, ключи есть только у меня. Следов взлома нет. Окно замёрзло намертво, второй этаж, не забраться... И главное — зачем и кому это могло понадобиться?

А самое главное — смутное воспоминание о том, как я нашёл его вчера в снегу у сараев, появившееся у меня вдруг, никуда не делось! Память подводит? Возможно…

Я осторожно положил значок обратно на тумбочку. Странности — странностями, но мне пора на работу! И если

я начну сейчас думать только об этом, я сойду с ума ещё до первого урока!

Кофе на кухне уже ждал. Я сделал глоток ароматного напитка и расслабленно улыбнулся. Ну, чего это я завёлся? Стандартное же утро! И новость про упавшую ель — обычная! Если ничего особенного в области за эти дни не произошло, то почему бы и не повторить новость?..

Дядя Миша на лестнице сегодня был в лохматой шапке из барсука.

— Здорово, Кирилл Николаич! Морозец — во! Еле машину разогрел…

А я понял, что знаю, как он сейчас закончит фразу. Но, с другой стороны, это же обычная прибаутка, его фирменная фраза! И встречаю я его каждое утро, вот и запомнил! Ничего такого…

— …даже свою жену у меня разогревать быстрее получалось! — закончил он и заржал. — Шутка! Тебя подвезти?

Я отрицательно махнул головой. Он прошёл мимо, в свою квартиру, крича жене про щи. Я задумчиво посмотрел ему в спину. Пока всё повторялось точь-в-точь. Но это— не странность! Просто — обычный утренний ритуал, я в этом уверен! Может быть, мне всё причудилось? Может, я и правда просто нашёл этот значок вчера, а память сбойнула? А я накрутил себе бог весть что?

Оля ждала меня у ФАПа. Я замедлил шаг.

— Кирилл! — она улыбнулась. Та же самая улыбка. —

Доброе утро! Выручай, а?

Сейчас она попросит меня посмотреть компьютер, который не включается…

— Компьютер барахлит? — я пошёл на опережение.

— Что? — удивилась она. — Нет, компьютер работает, всё нормально! А вот принтер вчера вечером вдруг перестал реагировать! Глянешь после школы?

— Конечно! — пообещал я. — Зайду после уроков.

Это интересно. В моей памяти вчера она просила меня починить ей комп… или полочку? Хотя нет, это была дверца на шкафчике… Всё ясно! Я ей нравлюсь, мы сближаемся, отношения вот-вот перейдут на новый уровень. Ну, пытается женщина слегка ускорить события, ищет причины для сближения, вот и тестирует меня на готовность быть рядом и помогать в мелочах, что тут такого? Я, вроде как, и не сопротивляюсь. Это всё нормально, ничего странного в этом нет… Ничего. Странного. В этом. Нет!

— А котёнок как поживает? — вдруг вырвалось у меня само собой.

— Ка… какой котёнок? — опять удивилась Оля и слегка переменилась в лице.

— Ну… — я смутился и напряг память. Котёнок же был вчера? Вроде был… Мы ещё его молоком поили…

Под ногами раздалось жалобное мяуканье. Мы с Олей опустили глаза — рядом с нами, у ног, распушив свою шерсть от мороза, сидел маленький рыжий комочек.

— Ой, какая прелесть! — Оля бережно взяла котёнка на руки. — Ты откуда тут? Замёрз, маленький… Пойдём, погреемся! Кирилл, не забудь, я буду ждать!

Оля кивнула мне, улыбаясь, и понесла котёнка в помещение, и мне на мгновение показалось, что она посмотрела на меня с какой-то тревогой… Словно испугалась чего-то…

Так, что мы имеем? Котёнок есть, но он появился только сейчас… Но он же был и вчера? Хотя по реакции Оли непонятно, видит она его впервые или нет… Может, она его вчера вечером отпустила, и он сегодня опять пришёл туда, где его кормят? Да, скорее всего, так оно и было. А я просто с утра встал не с той ноги! Значок нашёл вчера и автоматически бросил на тумбочку. Тем более, я даже помнил, как его нашёл в снегу, у сараев! Всё сходится! И вчера вторник был, а не среда, раз среда — сегодня! А остальное — привычные вещи, они в нашей жизни всегда норовят повторять друг друга. Ведь на то это и жизнь — идти по кругу, лишь иногда отмечая для себя, что-то новое…

— Параноик, — буркнул я сам себе, покачал головой и пошёл дальше, ускоряя шаг.

Возле магазина старушка всё так же методично рассыпала на снег угощение для птиц. Голуби хлопали крыльями, взлетая и тут же опускаясь на утоптанный снег. Я специально остановился и посмотрел на женщину в упор. Старушка замерла и чуть повернула голову в мою сторону. Мне на мгновение показалось, что она хочет что-то сказать, но она лишь

сварливо поджала губы и снова уставилась в пустоту перед собой.

Ну, и что я хотел увидеть? Передо мной пожилой человек — одинокий и живущий своими ритуалами. У пожилых людей страсть к выполнению одних и тех же ежедневных действий, это для них — норма. Она хоть как-то не даёт им скатиться в тягостное ожидание неминуемого, бесконечно прокручивая в голове самые счастливые, а порой и — придуманные — моменты всей своей жизни…

В школе меня ждал 9-й класс. Урок геометрии. Светка Петрова сегодня вела себя странно. Она не рисовала сердечки, а просто сидела, положив руки на парту, и внимательно следила за каждым моим движением. Когда я записывал тему на доске, мел в руке скрипнул и сломался.

— Иррациональность… — произнёс я, глядя на обломок.

— …как корень из двух, который нельзя представить в виде дроби, — тихо закончила Светка.

Я обернулся. Она смотрела мне прямо в глаза. Обычно ученики в такой момент отводят взгляд или хихикают, но Светка даже не моргала.

— Вы сегодня опоздали на две минуты, Кирилл Николаевич, — добавила она. — Вчера вы вошли ровно со звонком.

— Чуть задержался… Часы подвели, у учителей такое тоже случается… — улыбнулся я.

Света не ответила, но взгляд её стал тревожным. Точно такой взгляд я уже видел сегодня. Так на меня смотрела Оля

после моего вопроса о котёнке. Что это с ними сегодня?

Отбросив мысли о тревожных взглядах Оли и Светки, я быстро перешёл к теме урока — золотому сечению. Хотя вспоминается, что вчера была она же, но если судить по записям в журнале — всё верно. Я провёл урок как по нотам, списывая странное поведение Петровой на девичью физиологию и общее зимнее уныние. Но, с другой стороны, это окончательно разбило все мои подозрения насчёт повторяющихся событий — в моих воспоминаниях вчерашняя Светка вела себя иначе.

На уроке информатики всё прошло спокойно. Пока ученики решали тест, я решил воспользоваться качественным школьным интернетом и забил в поисковой строке запрос на сходные моим симптомы ощущения зацикленности одного дня. На экране сначала выплыли ссылки на пиратские площадки с фильмами о феноменах «дня сурка», но тут же появился баннер блокировки. Вот же, ёк-макарёк! Школьный шлюз отрабатывает свою роль стража информационной гигиены. Доступ в интернет был ограничен только отечественными образовательными ресурсами… Ох, уж эти ограничения… Странно, я почему-то раньше не обращал на это внимание...

Мои размышления прервал звонок. Надо было готовиться к встрече с пятиклашками…

В учительской Марина снова была на связи со своим Серёжей.

— «…у меня отпуск только в марте!» — донеслось до меня, едва я переступил порог.

Я замер.

Маргарита Ивановна ворчала про «учительскую совесть», Семён Викторович грезил Золотым кольцом. Не совсем дословно, как вчера, но разговор повторился. Но у нас — маленькая школа, в крошечном посёлке, в нескольких сотнях километров от цивилизации! О чём им ещё говорить? Темы одни и те же, вот и кажется, что слова те же. Тем более что половина учебного года позади, а потому и мысли об отпуске уже активно штурмуют учительское сознание. Это вполне объяснимо…

Нина, наша вожатая, снова возникла у меня за спиной с вопросом о возможной совместной работе над школьной стенгазетой. Вчера вроде как она просила помочь ей с плакатами? Или приглашала на дискотеку в клуб? Ну, с ней то как раз всё было предельно ясно — пытается девчонка найти крепкое мужское плечо, и не только плечо, а вокруг одни женатики или старперы, вот и выбрала меня своей целью…

— Нина, я уже говорил, что сейчас вечерами занят. Попросите Семёна Викторовича!

— Когда это вы говорили, Кирилл Николаевич? — девушка не выказала удивления, а лишь кокетливо захлопала ресницами. — Я же только подошла! Так что?..

Вот ведь приклеилась…

— Посмотрим, — буркнул я и выскочил из учительской.

После уроков я сел проверять самостоятельные работы. Дежавю… Даже все ошибки помню… Но, опять же — это учительская рутина. Каждый день почти одно и то же. Это дежавю — у каждого учителя!

В классе было тихо, только за окном медленно падал этот неестественно белый снег.

Я открыл тетрадь Егора Смирнова. Опять списал у Светки, оболтус! С таким рвением ему десятого класса не видать, из девятого бы ещё выпуститься нормально… Надо бы его завтра дёрнуть на дополнительное занятие, а то ведь завалит ОГЭ, как пить дать, завалит! И в субботу уделить ему время. До лыжной прогулки с Олей. Я же хотел ей это предложить? Вчера. Или раньше?

В дверь класса тихо постучали.

— Можно?

На пороге стояла Светка Петрова. Уроки и дополнительные занятия уже закончились, но она не ушла домой вместе со всеми. В руках Светка нервно сжимала свой рюкзачок и выглядела какой-то напряжённой.

— Забыла что-то, Света? — я не поднимал глаз от тетрадей.

— Я не забыла... Я просто хотела спросить…

Девушка зашла в кабинет и прикрыла в него дверь, перед этим выглянув в коридор, словно боялась, что её тут увидят.

— Что спросить? — поднял я брови, удивлённо наблюдая за её действиями.

Девушка смущённо смотрела не на меня, а в сторону, и молчала.

— Петрова, говори! Я слушаю!

Девушка продолжала молчать.

— Если тебе нечего сказать, я тебя не задерживаю. У меня много работы! — я снова склонился над тетрадями.

— Кирилл Николаевич, а вы… знаете, какой сегодня день недели?

Ручка в моей руке замерла. Я медленно поднял голову и не понимающе посмотрел на Светку.

— Ты о чём?

— Ну… — Девушка замялась. — Какой сегодня день недели, по-вашему?

— Среда. Почему ты спрашиваешь?

— А число? — не унималась девушка.

— Слушай, Петрова, если это какой-то ваш розыгрыш…

— Просто ответьте! — Светка упрямо поджала губы. Я видел, что она сильно напряжена.

Ну, ок… Что-то с ней сегодня действительно не в порядке. Что-то физиологическое, наверное, девушка-то созрела…

— 25 января сегодня, — вздохнув, ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее. — 2023 года. У тебя всё, Свет? А то мне ещё каракули пятиклашек разбирать…

— Ясно… А вчера что было? Какой день недели?

Фух! Как же с вами непросто…

— Вчера был вторник, Петрова, — устало произнёс я. Меня начала раздражать эта странная беседа. — А позавчера был понедельник…

— И у нас тема о золотом сечении должна быть каждый день? — резко спросила Светка, наконец найдя в себе смелость посмотреть на меня.

Я замер. Ну, да, вчера я, насколько мне помнилось, тоже рассказывал им о золотом сечении, как и сегодня. Позавчера… не помню, но, кажется, тоже... Почему? Повторение и закрепление пройденной темы? Но там всё делается иначе…

Я снова вернулся к своим утренним мыслям. Звёздочка, повторение событий дня… Но ведь всему было своё объяснение — нормальное и вполне логичное! Я уже разобрался, что ничего странного в этом нет!

Светка видела моё замешательство. Она подошла ко мне и молча положила передо мной… ластик. Обычный ластик, каким ученики стирают карандашные рисунки в своих альбомах. С одной стороны он был синий, а с другой — розовый. Новенький, ещё ни разу не использованный. На нём ещё остался чёткий отпечаток товарного знака производителя.

— Что это? — спросил я.

— Ластик, — спокойно ответила Светка.

Ну да, какой вопрос — такой и ответ! Но Света продолжила.

– Я купила его вчера вечером в нашем магазине. Забрала последний, больше у них таких нет, а новый привоз будет

только в конце марта, я узнавала.

— И при чём тут ластик? Зачем ты мне его показываешь? — я ничего не понимал.

Светка молча положила рядом с ластиком ещё один, точно такой же.

— А этот я купила в магазине позавчера, в понедельник. И он тоже был последний.

Светка смотрела на меня своими пронзительными серыми глазами, как будто чего от меня ждала. Чего? Я не понимал её.

— А вот этот, тоже последний из имевшихся в магазине, я купила в воскресенье, — девушка положила к первым двум ещё один ластик. — Только это было не воскресенье, а… среда! И мы в тот день тоже проходили золотое сечение!..

Глава 4. Шорох

Я молчал. Светка не была похожа на сумасшедшую. И тяги к розыгрышам учителей за ней тоже никогда не наблюдалось.

— Математика не врёт, верно? — Светка смотрела на меня серьёзно, без тени улыбки, так смотрят друг на друга только взрослые, когда говорят об очень серьёзных и важных вещах. — Если одно и то же событие регулярно повторяется в одно и то же время с одинаковым результатом внутри изолированной системы — это не случайность. Это — алгоритм!

— Ты уверена, что действительно покупала последний ластик? Продавщица могла ошибиться или забыть, а потом найти ещё один…

— Этот день повторяется, Кирилл Николаевич. Для всех нас! — Светка словно не обратила внимания на мой вопрос. — Для всех в этом посёлке! Каждый день — среда! Все вокруг живут в одном дне. Внутри его можно отходить от обычных дел, люди иногда меняют слова, иногда — поступки. Но всегда — в пределах обычной для них схемы дня, в пределах их сегодняшних целей, желаний и стремлений! А они… никогда не меняются!

Я молчал и слушал. Светка говорила уверенно и немного торопливо, словно боялась, что я её остановлю и отправлю домой.

— А сегодня вы опоздали на урок, и это было серьёзным сбоем вашего алгоритма. Вы ответили, что вас подвели часы. Но это была неправда! Часы здесь, — Светка неопределённо обвела пространство класса. — Часы здесь всегда идут точно. Идеально точно. Я это знаю… Вы ведь уже сами поняли, что что-то не так, правда? Вы уже знаете…

— Света, это же просто невозможно, — улыбнулся я. — Как такое может быть? Это… неправильно… Ты меня разыгрываешь, что ли?

Света молча смотрела на меня. От её серьёзного взгляда мне стало не по себе. И в памяти опять стали скользить те события вчерашнего дня, которые повторились со мной сегодня. Я «поплыл»…

— Света, ну, как такое может быть? Чтобы каждый день повторялся — такое только в кино можно увидеть! — продолжил я убеждать больше не свою ученицу, а самого себя. — Это просто фантастика… В жизни так не бывает!

Кофеварка, новости по радио, сосед, Оля… Сознание всё ещё боролось, старалась отыскать всему происходящему логическое объяснение, но ему это не удавалось.

«Золотое сечение», разговор в учительской, ошибки в тетрадях… Моя логика возмущённо корёжилась и скрипела зубами. Всё, чем я себя успокаивал в течение сегодняшнего дня, теперь выглядело корявым. Сегодня среда, но ведь по моим воспоминаниям и вчера тоже была среда… И это было совершенно точно!

Светка только что разрушила все мои сегодняшние объяснения, которыми я весь день себя старательно успокаивал. Слишком много странностей, слишком много…

Я снова посмотрел на лежащие передо мной ластики — три совершенно одинаковых плоских кусочка крашеной резины — и подумал о своём значке, который я оставил дома, на тумбочке. Он тоже был из «вчерашней среды», как и один из ластиков Светы. И сейчас я уже не мог игнорировать его существование. Я не мог объяснить это «забывчивостью» или «случайностью». Сейчас я уже точно знал, что нашёл значок именно в среду! Но ведь и сегодня — среда! Всё стало каким-то… К горлу подступила тошнота…

— Это… неправильно… — выдавил я из себя.

Светка кивнула. Не моим словам, соглашаясь с ними. Она кивнула, потому что уже увидела по моим глазам — я её понял.

— То есть завтра… опять будет среда? И всё повторится? — спросил я девушку.

— Для других — да. Но вы сможете немного менять события, влиять на людей, ведь вы теперь все знаете. Если захотите менять… И если не побоитесь…

Я резко встал с места, подошёл к окну и открыл его. Мне срочно был нужен свежий воздух. С жадностью вдохнув несколько раз тут же проникшую в класс зимнюю свежесть, я почувствовал себя немного лучше. За окном несколько учеников из начальных классов с криками восторга валяли друг

друга в сугробе. Некоторое время я молчал, отрешённо наблюдая за резвящейся детворой.

— Света, а как же люди? Они что, всего этого не замечают?..

— На следующий день у всех людей в головах всё обнуляется, и для них снова начинается среда. Вообще всё вокруг обнуляется!

— Как это — «обнуляется»? Мы что, все — роботы?..

— Нет, конечно! — удивлённо возразила мне Светка. — Мы все здесь живые! Дышим, едим, общаемся, всё чувствуем… Кстати, это хоть немного, но разбавляет день чем-то иным…

— Чем-то иным?

Светка слегка улыбнулась.

— Поход в парикмахерскую, например, или в медпункт — это вполне возможно для всех тут живущих и вне алгоритма. Но после обнуления день повторяется точь-в-точь! Небольшие погрешности возможны, и они случаются. Но вот основные линии дня — всегда одни и те же… Фингал у Синякова заметили?

— Да, а что?

— Это я ему поставила, — смущённо потупила взгляд Светка.

— Ты? — удивился я. — Зачем? За что?!

— Эксперимент, — пожала девушка плечами. — Он на следующий день уже ничего и не помнил… — Светка на

миг тревожно замерла, прислушиваясь к чему-то, и, поёжившись, продолжила... — И тут есть ещё кое-что… Что-то страшное!

— Страшное? Ты о чём, Свет?

Света не ответила.

Я закрыл окно, вернулся к столу и посмотрел на разложенные тетради. Выходит, что проверка самостоятельных работ теперь не имела никакого смысла. Ведь завтра мне ученики сдадут их снова… Дискриминанты, корни, уравнения… всё это была шелуха. Единственное уравнение, которое теперь требовало решения, не имело цифр. Или имело?

— Света, — осторожно начал я, — А как давно ты… Ну…

— Проснулась? — спросила Света и, заметив моё недоумение, поспешила добавить. — Это так мы с Марией Степановной называем это… Ну, что ты начинаешь всё понимать…

— Какая Мария Степановна? — не понял я.

— Ну, та старушка, что голубей кормит, возле магазина…

— Она… тоже, как и ты? — изумился я.

— Да. Она ещё раньше меня проснулась! И многое мне рассказала. Она называет это место «нулевой нишей». Но лучше вам самому с ней поговорить…

«Нулевая ниша»? Что-то знакомое шевельнулось в памяти, где-то я такое уже слышал… Скорее всего, в каком-нибудь фантастическом романе, или у какого-то учёного-блогера…

— А у меня всё началось с покупки ластика, — продолжила Света.

Было видно, что у неё накопилось много эмоций, впечатлений и переживаний, с которыми она не могла поделиться долгое время. И вот теперь она нашла, кому это можно рассказать. Или причина была в чём-то другом?

— У меня в детстве был такой же, мне его мама подарила. Я увлекалась рисованием, ходила в художественную школу, но потом мы с мамой переехали сюда… — девушка запнулась и перешла на шёпот. — Знаете, Кирилл Николаевич, мне иногда кажется, что мои воспоминания о том, как и когда я сюда приехала — не мои… Вот, скажите, зачем нам надо было сюда приезжать?..

Светка испуганно оглянулась на дверь. Чем это она так напугана?

— Ладно, это не важно… Я про ластик, — продолжила Светка. — Я его увидела в магазине и страшно захотела купить, чтобы знакомое что-то было, из прошлого… Я не помню, сколько раз я его покупала, но однажды утром я вдруг поняла, что сегодня должен быть четверг! Я поняла это, когда собиралась в школу и нашла у себя в пенале этот ластик! Ластик, который я ещё, вроде как, и не покупала… И сразу всё поняла! У вас же точно так это произошло? У вас тоже появилось что-то… ну… То, что начало будить вас?

Я медленно кивнул ей. Мой значок. Который сейчас лежал у меня дома на тумбочке. Привет мне из вчерашнего

дня, который наступил только сегодня…

— Теперь я покупаю их каждый день, чтобы вести счёт. Это как будто мой календарь. Каждый ластик — это мой талисман. Мой якорь! Он словно удерживает меня от соскальзывания в… пустоту…

«Якорь»… В памяти опять мелькнуло и исчезло что-то знакомое. Вроде как я совсем недавно уже слышал это слово. Немного в другом, но очень сходном, смысле…

— И сколько у тебя их?

— Всего у меня их было семьдесят три штуки, сегодня куплю семьдесят четвёртый...

Семьдесят четыре ластика?! Это что же получается, Светка живёт в этой среде уже семьдесят четвёртый день?! И это — только осознанно, проснувшись! А сколько таких дней было у неё до этого? У неё… Нет, — у нас! Обалдеть… Это сколько же мы все торчим в этой «среде»?

— Ты сказала — «было». Почему? — спросил я. — Куда они делись?

— Потому что их у меня забирают… Забирают за… — Светка вдруг выпрямила спину, напряглась, вслушиваясь в тишину класса.

Её лицо внезапно стало серым, а губы побелели. Она смотрела на меня уже не с настороженностью или тревогой, а с диким, ненаигранным испугом, в котором читалось нечто большее, чем просто страх. Это был самый настоящий ужас!

— Что с тобой? — спросил я, пытаясь дотронуться до неё,

но моя рука замерла в воздухе.

Потому что я услышал… Нет, не услышал, я — почувствовал ЭТО всем своим телом, каждой клеточкой, каждым нервным окончанием!

Сначала это был лишь слабый, почти неуловимый звук, словно дальний, едкий шорох, рождающийся где-то глубоко внутри стен кабинета, за его деревянной обшивкой, в самой ткани мира. Как будто тончайшие песчинки сухого песка сыпались на невидимое стекло. Он был так тих, что его легко можно было списать на собственное воображение, на лёгкий звон в ушах.

Но буквально за несколько секунд этот звук, словно живой, начал разрастаться, множиться, набирать силу, становясь невыносимым. Он не просто усиливался — он менялся. Звук превратился в мерзкий, тягучий скрежет, словно тысячи ржавых гвоздей одновременно скребли по старой, высохшей доске. Этот звук не просто бил по ушам — он проникал прямо в мозг, вызывая приступ тошноты, что-то острое и холодное пыталось процарапать изнутри мои барабанные перепонки. С ним пришёл и невыносимый, могильный холод, который пробирал меня до самых костей, до самого нутра, высасывая всё тепло, всю жизненную энергию. Я чувствовал, как мои мышцы сводит судорогой, как кровь стынет в венах. И вместе с холодом — абсолютное отсутствие запахов. Воздух вокруг стал пустым, мёртвым, лишённым всякого аромата, даже привычной пыли и старой древесины. Это было

как оказаться в вакууме, но при этом иметь возможность дышать воздухом, который не несёт в себе ничего.

Мои глаза… глаза вдруг стало резать так, словно в них бросили горсть мелких, острых как бритва, осколков льда. Свет от окон померк, превратившись в грязную, мутную пелену. Контуры мебели поплыли, стали расплывчатыми, словно я смотрел на мир сквозь толщу грязной воды. Мне казалось, что я теряю зрение, что мир растворяется, а вместо него надвигается какая-то серая, нездоровая муть. Это была не просто боль — это было ощущение распада, ощущение, что сам мир вокруг меня, и я вместе с ним, теряет свою форму, свою логику, свою реальность.

Светка приглушённо, почти беззвучно вскрикнула, и, согнувшись у парты, зажала руками уши, словно пыталась так защититься от всепроникающего звука. Я отчаянно тёр слезящиеся глаза, пытаясь освободить их от чего-то инородного, вызывающего боль и жжение, но это было бесполезно. Моё тело пробирал нечеловеческий холод, выкручивая внутренности, превращая меня в дрожащую, парализованную жертву. Я чувствовал, что ещё чуть-чуть, и я сойду с ума.

Но через несколько секунд этого мучения всё вдруг прекратилось. Так же резко, как и началось.

Звук оборвался. Холод отступил, позволяя крови снова побежать по венам. Запахи вернулись, хоть и приглушённые. Зрение прояснилось, мир снова обрёл чёткие контуры.

Света всё ещё сидела на коленях на полу возле парты, обхватив голову руками и слегка вздрагивая. Я попытался встать со стула, чтобы помочь ей подняться, но ноги не слушались меня. Голова кружилась…

— Света, ты как? — спросил я. Мой голос звучал так, словно я говорю в салоне самолёта во время взлёта.

— Я… нормально… — Света медленно подняла голову. Её глаза были красными от слёз, но в них читался не страх, а какая-то жуткая обречённость.

Девушка тихо дрожала.

— Что это было? Какая-то магнитная аномалия? — Я, наконец, смог встать, помог подняться девушке и усадил её на стул. — Посиди здесь, я сейчас тебе воды принесу!

— Не надо воды! — остановила меня Светка. — Сейчас всё пройдёт… — И тут же резко подняла голову. — Что? Вы… тоже это слышали?

— Слышал, — растерянно прохрипел я, всё ещё пытаясь восстановить дыхание. — И чувствовал. Может быть, магнитная буря? Сейчас много вспышек на солнце, я читал…

— Нет! Это — не магнитные бури!

— Да что ещё это может быть, как не…

— Это — Шорох! — Светка уже немного успокоилась, перестала вздрагивать, но говорила тихо.

— Шорох? — не понимающе спросил я. — Что ещё за «шорох»?

— Он всегда приходит, когда мы… слишком много гово-

рим «об этом». Когда мы пытаемся что-то изменить… Так она… нас наказывает.

— Она? Кто — «она»?

— Нулевая ниша... Это… это её реакция. На нас. На наши слова. На то, что мы… вспоминаем. На то, что пытаемся разбудить других… И после этого она всегда забирает… Забирает то, что удерживает нас в пробуждении…

Света показала рукой на свои ластики, который лежали на столе. Теперь их там было только два. А на месте третьего я увидел на поверхности парты лишь слабую тень, которая прямо на глазах постепенно бледнела, словно истаивая. Пока не исчезла совсем. Я, не веря своим глазам, дотронулся пальцем до того места, где только лежал исчезнувший ластик, и тут же отдёрнул — это место обожгло меня холодом! На кончике пальца тут же проступило белое пятнышко от ожога.

Да что же это такое происходит?! Я сглотнул внезапно подкативший к горлу ком.

— Осталось девятнадцать, — грустно произнесла Светка. И тут же, подняв голову, с надеждой посмотрела на меня. — Но вы же сможете остановить это? Вы точно сможете… Не знаю, почему, но мне кажется, что только вы способны разобраться со всем этим… Вы же сможете вытащить нас отсюда?

— Я? — изумлённо уставился я на девушку.

Она не ответила, а только часто-часто закивала, не отводя взгляда. Нет, в её глазах была не надежда. Это была мольба!

Мои мысли метались, пытаясь выстроить из этого бреда хоть какую-то рабочую систему. Нулевая Ниша. Идеальный день. Абсолютный порядок. Зацикленность. Проснувшиеся. Шорох. Наказание. Уничтожение якорей. Всё сходилось в ужасающей, фантасмагорической, но — безупречной, логике. Это не просто зацикленность дня, это — жизнь внутри живого, реагирующего на тебя механизма-существа. Которое не просто предоставляет идеальный мир — оно защищает эту идеальность от любых попыток её нарушить!

Но в противовес этим мыслям снова выступил разум. А не могут ли все вокруг просто быть нанятыми актёрами? Заметили, что мне что-то там показалось, вот и устроили такое… Специально последние дни вели себя одинаково, подбрасывали значок, подключились к радио, подговорили Светку!.. Но — для чего? И как тогда объяснить этот Шорох? У меня до сих пор все мышцы дрожат! Я не знал, чем можно вызвать подобное. Не сходится…

Светка молчала, ждала моего ответа. А я — взрослый мужик — чувствовал животный страх от всего только что услышанного и увиденного. Что я должен был сделать со всем этим? Тут впору самому искать какого-нибудь помощника. А лучше — психиатра. Мозг кипел…

— Я… я не знаю, Света, — неуверенно и слегка затравленно пробормотал я.

— Кирилл Николаевич, вы ещё не ушли? — в кабинет заглянул директор школы, военный пенсионер Иван Фёдоро-

вич. — Ой, вы занимаетесь… А у меня что-то принтер не хочет работать, а надо бумаги важные распечатать. Кирилл Николаевич, если вас не затруднит, поможете старику?

— Да мы уже всё, отзанимались! — Света вскочила со стула. — До завтра, Кирилл Николаевич!

Это её «до завтра» прозвучало в каком ином для меня смысле. Теперь.

Девушка подхватила со стола свои ластики, подняла с пола рюкзачок и выбежала из кабинета, оттеснив стоящего в дверях директора.

— Чего это она так резко? — подозрительно нахмурился Иван Фёдорович.

— Наконец-то разобралась с золотым сечением, — ответил я отрешённо. — Сложная тема, не все понимают с первого раза.

На душе было неспокойно. Девушка ждала от меня другого ответа. Но что я должен был ей сказать? Для меня всё происходящее — абсолютно сюрреалистическая ситуация. И чтобы в ней разобраться, надо для сначала разобраться в своём ко всему этому отношении…

— А… ну да, тема сложная, — нахмурился директор ещё сильнее, делая вид, что понимает, о чём идёт речь, но тут же просветлел лицом. — Ну так что, поможете с принтером?

У Оли — принтер, у директора — принтер… Что-то сегодня прям Всемирный день Принтеров какой-то…

— Конечно, Иван Фёдорович, конечно…

Пока я шёл за Иваном Фёдоровичем в его кабинет, я прокручивал про себя разговор со Светкой. В голове щёлкали костяшки виртуальных счётов. Семьдесят четыре ластика. Семьдесят четыре среды. Это примерно два с половиной месяца. А если учесть, что Света проснулась не сразу, то это получается… Почти столько же, сколько я, по моим «воспоминаниям», здесь и работаю. Не говоря уже о старушке, которая, по словам Светы, проснулась ещё раньше…

В кабинете директора пахло старой кожей и табаком — Иван Фёдорович, вопреки всем школьным уставам и правилам, иногда позволял себе покурить в форточку.

— Вот, посмотри, Кирилл Николаевич, — он указал на принтер. — Завис, зараза. А мне отчёт в район нужно отправить.

Я подошёл к аппарату. На экране мигала ошибка очереди печати. Так же, как и вчера — подсказала мне память. Тоже — в среду, но вчерашнюю.

— Иван Фёдорович, а этот отчёт… разве вы его ещё не отправляли? — осторожно спросил я, копаясь в настройках.

— Как я его отправлю, если принтер не печатает? — удивился директор. — Вот сейчас распечатаю, подпишу, печать шлёпну, и завтра с утра в сельскую администрацию передам. А они уже в район увезут.

«Завтра с утра». Интересно, сколько у него это «завтра» длится? Точно не меньше, чем у меня…

Я перезагрузил очередь печати. Принтер довольно зажуж-

жал, выплёвывая свежий лист.

— О! Мастер! — директор довольно хлопнул меня по плечу. — Что бы мы без тебя делали? Иди отдыхай. Завтра увидимся!

Я кивнул и вышел. Завтра. Здесь это слово звучало как обещание, которое никто не собирался выполнять. Потому как просто не мог этого сделать…

Глава 5. Конфетка с иголочкой

Выйдя из школы, я долго топтался у ворот, не решаясь выбрать, куда пойти. К Оле? И как мне с ней разговаривать, зная, что назавтра она всё забудет? Идти сразу домой — и сидеть в четырёх стенах, мучаясь от кучи вопросов без ответов? Или — не мучиться? Послать всё куда подальше, и просто жить… Заварить чаю, включить расслабляющую музыку и завалиться на кровать с детективом в руках! Да, именно так я и поступлю!

Я уверенным шагом пошёл в сторону дома. Вспомнился взгляд Светки. Странно, но во всех событиях сегодняшнего дня именно он казался мне самым важным.

Девушка проснулась уже очень давно, и мне, как новопробужденному, её было просто не понять! Через что она прошла за эти семьдесят четыре дня? Что видела? А этот жуткий Шорох? Я невольно поёжился, словно снова ощутил поглощающий меня холодный страх. Если у неё осталось всего девятнадцать ластиков, то это получается, что она испытала ЭТО уже больше полсотни раз! Почему? Пыталась кого-то разбудить? Что-то исправить, изменить? Сказала кому-то что-то запретное? Как мне сегодня, например... Стоп!

Я остановился и растерянно посмотрел в сторону школы.

Вот я болван! Она же сознательно мне сегодня всё рассказала! Рассказала то самое запретное, прекрасно зная, что

её за это накажет «нулевая ниша». Зная, что придёт Шорох. Зная, что лишится одного из своих якорей!.. Она знала, что это случится, но всё равно рискнула, пошла на это, чтобы разбудить меня по-настоящему! Зачем?

«...мне кажется, что только вы способны разобраться со всем этим… Вы же сможете вытащить нас отсюда?» — вспомнились слова девушки. И этот её взгляд, полный мольбы…

Почему она открылась только мне? Или уже пыталась с другими, но не получилось? Или просто заметила, что я уже на грани пробуждения? Или?..

Так, Кирилл, ты — не герой и никогда им не был! Шуруй-ка домой и не думай об этом!

Но, может быть, тут и не надо никакого геройства? Разве мне самому не любопытно, что здесь на самом деле происходит? Это, вроде как, теперь и меня самого касается… Попробуем разобраться. Может, всё вовсе не так, как мне представила Светка? И этому Шороху, наверняка, тоже найдётся своё логическое объяснение! Так. Что там Петрова говорила про старушку?..

Старушка, она же — Марья Степановна, всё так же сидела на скамье. Голуби уже разлетелись, и она просто смотрела на застывшее у самого горизонта и еле проглядывающее сквозь серую облачность солнце.

Я присел рядом. Мороз щипал щёки, но я почти не чувствовал холода.

— Добрый вечер, Мария Степановна. Меня зовут Кирилл. Света сказала, вы здесь давно, — осторожно и нейтрально начал я.

Старушка не повернула головы.

— Светочка — девочка наблюдательная, — тихо проскрипела она. — Она мне говорила, что ты скоро проснёшься... Шорох приходил?

Оп-па! Я-то ожидал совсем иного, а тут с ходу — подтверждение словам Светки.

— Что-то такое было, да, — неопределённо кивнул я.

— Бедная девочка…

— Да, это было… очень неприятно…

Старушка замерла.

— Неприятно? Ты тоже его слышал? Шорох — ты слышал его?

Чем это я её так удивил?

— Ну… да. А что?

— Это очень странно… — старушка внимательно осмотрела моё лицо, думая о чём-то своём. — Обычно его слышат только те, кто пытается вмешаться, что-то изменить… А те, на кого направлено действие, ничего не замечают… Это странно…

Старушка надолго замолчала, погруженная в свои мысли. Я думал, что она уже забыла обо мне, когда она вдруг снова заговорила.

— А ты, учитель, быстро в себя пришёл. Обычно на это

уходит куда больше времени. Люди любят уют. И предпочитают делать вид, что ничего странного в их жизни не происходит. А здесь — самый уютный уголок во всей Вселенной. — Мария Степановна пытливо заглянула мне в глаза. — Или ты тоже пока ещё в этих мыслях витаешь? Боишься поверить?

Вот же, старушка-психолог! Но я не стал отвечать на её вопрос.

— Света сказала, что вы называете это место «нулевой нишей». Что это значит?

— Не я называю. Это Любка, мамка Светкина, такое имя этому месту дала. Наверное, потому, что здесь всё в ноль сбрасывается. Но сбрасывается мягко, ласково. А ещё потому, что за лесом — край, — она указала рукой в сторону тёмной полосы тайги. — Там ничего нет. Я ходила туда. Месяц назад… или два… Тоже — в среду, — старушка беззвучно засмеялась.

— Что значит — край? — не понял я её.

— Дорога ведёт-водит, а потом раз — и ты упираешься в Пустоту!

Старушка опять захихикала. Она вела себя как сумасшедшая, но я чувствовал, что это не так.

– Сам скоро убедишься. Сходи за край посёлка, если смелости хватит. Я Светке не говорила, она ещё ребёнок, ей и другого уже хватило с лихвой. Но ты можешь попробовать глянуть. Не свихнёшься, думаю, раз уж сам ко мне подошёл.

Да ещё — в первый же день после такой новости и встречи с Шорохом…

Очень интересно, но ничего не понятно… Ладно, попробуем зайти с другой стороны…

— Мария Степановна, а вы знаете, как мы все здесь оказались?

Она опять посмотрела на меня. В её глазах не было безумия. Только бесконечная, выжженная усталость.

— У тебя какой сейчас год?

— Что? — растерялся я. — Что значит — какой? 2023-й, как и у всех…

— Не у всех… Это поначалу у всех 2023 год, а потом, когда просыпаешься и вспоминаешь… И то, что у тебя 2023-й, не значит ничего, ты ж не до конца в себя пришёл… Может оказаться, что ты вообще — с прошлого века! У меня вот — 2014-й…

— Это как? — не понял я.

— А никак! Брехня всё вокруг нас! Но — красивая… Заметил, как здесь хорошо и безмятежно? Ты себя чувствуешь счастливым… Жизнь идёт ровно, никаких скачков, никаких особых проблем… Люди вокруг, ощущение собственной нужности, уют…

К нам подлетел одинокий голубь, и старушка, достав откуда-то из недр своих одёжек ломоть хлеба, принялась крошить его перед собой.

— Голуби — единственные, кто тут настоящие. Какие и

были почти сразу. Память у них короткая, не как у нас. Они быстро пришли в себя. И ты придёшь. То, что ты помнишь о том, как попал сюда, как жил здесь — всё ложь, и постепенно начнёт стираться. Будешь помнить, но просто как кем-то рассказанное тебе, а не прожитое. А потом ты вспомнишь своё настоящее прошлое! Тот самый момент, как попал сюда. Как вспомнила я… И как Светка сейчас вспоминает…

Настоящее прошлое? О чём это она?

— Я вроде как приехала сюда к внукам, доживать свой недолгий век. Здесь было так красиво, спокойно… И этот запах от елей — он просто дурманил меня, я словно молодела, когда вдыхала здешний воздух.

Я кивнул, вспомнив, что, когда приехал сюда в конце лета, в первые недели испытал ту же эйфорию. Воздух здесь и правда был волшебный…

— Внуки меня приняли. Помогли с обустройством. Мне дали хороший домик на краю посёлка, с огородом, речка рядом. Красота… Пенсию на дом приносят… Прошло лето, осень, наступила зима… Новый год и Рождество мы справляли вместе, у меня дома. Собрались и внуки — с жёнами, своими малышами. Нарядили ёлку, что у меня прямо в огороде растёт… А потом… А потом прошли праздники, и наступила среда. Январская среда.

Мария Степановна замолчала, достала платок из кармана, быстро, тайком, вытерла слёзы, громко высморкалась, убрала платок обратно.

— И наступил для меня сегодняшний день. Он был простой: просыпалась, топила печь, шла в магазин за капустой и маслом. Покупала, заходила по пути на ФАП, брала свои лекарства сердечные по льготе, шла домой, готовила начинку для пирогов с капустой и ягодой. Вечером смотрела сериал по телевизору, новости, ложилась спать. А утром собиралась встать пораньше, чтобы поставить тесто на пироги, и успеть испечь их к вечеру. Чтобы внуков побаловать. Это был, наверное, один из самых счастливых дней в моей жизни. Но четверг никак не наступал. Ну, я-то и не понимала, дурная! Ходила и ходила в магазин день за днём. Всё готовилась и готовилась… Но так и не испекла ни разу пироги эти…

Старушка сделала паузу. Я не торопил.

— А потом я нашла в погребке матрёшку старенькую, махонькую. Пошарпанную, личико почти стёртое. Разборная, но пустая внутри. У меня в детстве такая же была. А, может, именно она и была, царапинки такие знакомые… Поплакала вспоминая… Поставила перед телевизором. А на следующий день опять нашла. Опять поставила. Потом опять нашла, глядь, а… а точно такая уже стоит у меня! Вот тут у меня и пробуждение началось…

Прямо как у Светы с её ластиками, а у меня — со значком. Правда, у меня он пока один, но… Стоп, Кирилл, ты уже начинаешь всему этому верить?!

— Я первое время всё порывалась по-другому день прожить, — продолжала свой рассказ старушка. — Но все люди

вокруг словно сопротивлялись. Вроде и меняются, и слова другие говорят, и откликаются, но не могла я… Как ложка в чашке с густым мёдом ворочалась… Не получалось у меня. К внукам раз сунулась — а нету их, уехали, — говорят соседи. Как уехали? Куда? Не предупреждали же! Странно всё… Второй раз пришла — опять уехали. — старушка покачала головой. — Телефоном-то я так и не обзавелась, не соображаю в них, а дома у меня и обычного даже не было. Зачем? Здесь же всё рядом… А поздно вечером идти у меня силёнок особо не нашлось. Попыталась со своим соседом поговорить, живёт там недалеко от меня старичок-натуралист один, природу на старый фотоаппарат щёлкает. Но он всё своё знай твердит да улыбается. Думает, флиртует с ним бабка. А через два дня память начала возвращаться. И стирать всё то, что как будто бы было... Это было как… Разрушение…

Старушка сделала паузу, опять задумавшись о чём-то своём. Я не торопил её, уже привыкнув к её манере вести разговор.

— Так и стёрло всё, до конца, — вздохнула Мария Степановна. — Помню, конечно, но в пелене словно, как будто какой-то старый и неинтересный фильм вспоминаю… И стало ясно всё мне…

Я напряжённо ждал. То, что говорила сейчас старушка, было очень важно…

— Не жили здесь мои внуки никогда, учитель! Они на самом деле даже в разных городах живут. И вообще не на Даль-

нем Востоке даже. А я жила в Новосибирске, как старого своего похоронила. И последнее, что я помню из своей настоящей жизни — так это фельдшера, парнишку молодого. Помню, как он мне сердце запускать пытался. Помню холодный металл носилок. И — хлоп. Темнота. А потом — «внуки позвали». Вот такая правда-то моя, а не это всё, — старушка махнула рукой перед собой. — Вот и у тебя это будет, вспомнишь ещё. А то, что тут до этого дня было — серым станет… Потому что не было этого… Придумано оно кем-то, да в головёнки наши засунуто…

Вот оно как… Сложилась картинка. Такая картинка, от которой нестерпимо захотелось немедленно выпить чего-нибудь покрепче чая с ромашкой. Так, получается, я никуда и не увольнялся пять месяцев назад? Я не ехал на поезде, не смотрел в окно на проплывающие мимо города. Не летел самолётом, не ехал стареньким ПАЗиком по таёжным дорогам… Мой «приезд» сюда — это просто стартовая точка. Я очнулся здесь уже с готовым набором знаний о том, как я здесь оказался. И все остальные — тоже. И мне стало страшно…

Я огляделся, поёжившись от неприятного внутреннего холода. Как-то сразу умиротворяющий вид заснеженного посёлка перестал быть таковым. Я почувствовал, как к горлу опять подступает тошнота. Если после разговора со Светой и страшного ощущения Шороха я всё ещё пытался прикрыть зарождающуюся панику обычной житейской форму-

лой взрослого человека: «у всего есть объяснение, надо просто подождать», то сейчас… Сейчас я чувствовал себя очень нехорошо… У меня не было объяснения всему этому! И если бы не собственные воспоминания вчерашней среды, которые теперь стали ещё яснее и точнее, ластики Светы, жуть Шороха и моя звёздочка, я бы просто расхохотался этой старушке в лицо!

Но что тогда это за место такое? Рай? Ад? Или мы все сейчас просто где-то спим, лежим в коме, подключённые к аппаратам искусственной вентиляции лёгких, а наши сознания гуляют по просторам памяти в умирающем мозге? Вот и создалось это ощущение зацикленности дня! И эти ужасы с Шорохом и исчезающим на глазах ластиком тоже из-за этого!

Да, мой разум отчаянно пытался ухватиться за любое логическое объяснение…

Я незаметно от старушки сильно ущипнул себя сквозь штанину брюк. Больно!

— Да не спим мы, учитель! — от пожилой женщины не укрылось моё движение. — Думаешь, я не думала об этом? Лучше бы спали… Во сне хоть конец есть. А здесь — ласковая вечность. И если тебе кажется, что это рай — так это лишь потому, что тебе твою новую жизнь под твой вкус собрали. Хотел ты этого сильно. Тебе — школа, снег, нужность, девочка-фельдшер. Мне — домик, печка, пироги. Ольге твоей — шанс жизнь заново начать. Каждому по

конфетке! Только конфетка-то — с иголочкой внутри оказалась...

— И что это тогда за место такое? Как мы здесь оказались?

— Я — всего лишь старуха, которая, как и ты, вдруг поняла, что всё вокруг — не то. Вроде как и настоящее, но неправильное. А как мы здесь оказались, и что это за место — это уже тебе разбираться, если сможешь. И если захочешь…

— И… что мне теперь делать?

— Тебе решать. Думай. Ты молодой, неглупый. Думай, а мы… подождём. И потом решим, надо ли нам это — делать что-то? Может, пусть оно и будет так, как есть…

— А как же остальные? Они могут проснуться, как и мы?

— Почему нет? Наверняка могут. Если найдут свою зацепку к прошлому. Но — захотят ли? Живут себе — и ладно. Тепло, сыто, и никакой боли. Разве это плохо?

— Но это же не жизнь, — сказал я.

— Зато это и не смерть, — отрезала она.

— А этот Шорох — вы с ним тоже сталкивались? — спросил я.

— А то! Каждый день почти в самом начале. Но когда поняла, что своих матрёшек лишаюсь, испугалась. Притормозила коней. И вовремя, у меня на тот момент уже последняя оставалась.

— Шорох… это наказание?

— Не наказание. Это… реакция. Как у тела температура, когда болеешь. Как у зверя оскал, когда ты его дразнишь.

Когда ты лезешь туда, куда нельзя, — он приходит. И он забирает якоря. Съедает. Как сегодня, у Светки, съел же?

— Но на следующий день всегда же можно найти новую! Ведь так?

— Если у тебя осталась перед этим хотя бы одна — то да. Найдёшь. А если потеряешь последнюю, то новую уже не найти! Да и искать не пойдёшь…

— Это как? — не понял я.

— А вот так! — грубо отрезала старушка. — Как последнюю зацепку у тебя Шорох заберёт — всё! Уснёшь опять! Только на этот раз — окончательно. Как в Пустоту шагнёшь… И не добудиться тебя будет никак! Как Светка свою мамку будила. Почти все свои ластики на неё спустила, когда та в Пустоту шагнула…

Так вот почему у Светы так мало ластиков осталось! Она маму разбудить пыталась!

— А что это значит — в Пустоту?

— Ты мне прямо допрос сегодня решил устроить? — проворчала старушка. — Ладно… Не знаю я, что такое Пустота, и знать не хочу. Но человек, который уснул, окончательно перестаёт быть собой, чисто на автомате всё делает, как кукла заведённая. Со стороны вроде не особо заметно, но близким и родным хорошо видно. Ни разговоров по душам, ни общих воспоминаний, а чувства всё — словно искусственные…

Мария Степановна пожевала губами, что-то пробурчала и

продолжила.

— Любка, мама Светы, позже меня проснулась. Я её сразу заприметила — она здесь со многими поговорить пыталась, даже к старосте ходила, объявления каждый день расклеивала… Всё хотела зараз всех пробудить, дурная! Она эти слова-то и придумала — «нулевая ниша», ну, или взяла откуда-то… Я до неё это место «тихой комнатой» называла… Но я её вовремя перехватила! Объяснила, рассказала, что сама знала тогда. Потом Любка дочке своей помогла справиться со всем этим, когда та свою зацепку получила. Радовалась, что всё получилось! Правда, Шорох её очень потрепал за это… А потом Любка нашла что-то… Нам не сказала, говорила, что проверит сначала. За дочку боялась. Видимо, там что-то важное было, не хотела нас всех под риск подводить.

— Что нашла? Где? — встрепенулся я.

— Да не знаю я! Говорю же — не сказала она нам! А на следующее утро девчонка пришла, вся в слезах. Мол, мама... другой стала. То есть опять — в «рай» соскользнула! И все зацепки Любкины пропали… Не вернуть бабу теперь…

Вот дела-то… И, правда, не позавидуешь девушке, такое пережить! Да ещё жить теперь, каждый день глядя на родного, но при этом — словно чужого человека…

— А почему сейчас к нам Шорох не приходит? — вдруг пришла в голову мысль. — Вы же мне столько всего сейчас рассказали…

— Так мы же с тобой оба проснувшиеся уже! — удивилась старушка. — Что мы сейчас меняем? Ничего. Просто разговариваем. Ты уже почти всё знаешь, я — тоже знаю… Шороху на это плевать. Он больше на действия наши реагирует. Когда мы слишком близко к запретному подходим — спящих или просыпающихся слишком сильно шевелим, ускоряем процесс, события менять начинаем чересчур заметно. Вот тебя, например, Светка и я два раза до сегодняшнего дня пытались расшевелить…

— Когда это? — напряг я память.

— Да не вспомнишь ты! — отмахнулась Мария Степановна. — Обнулился потом. Я перестала пробовать, а Светка всё на своём стояла... Видишь, не ошиблась она, пробудился ты… Но, наверное, не сам до конца, да? Раз Шорох к вам пришёл, Светка постаралась? Ещё один ластик потратила…

— Ну… — смутился я. А что тут скажешь? Ведь и правда, пока Светка мне глаза не открыла, я же всему логическое объяснение нашёл! И не факт, что назавтра вспомнил бы всё…

— Не знаю, чего она в тебе увидела… Но, не ошиблась… Не подведи её!

Не подведи… Понять бы ещё, как это сделать?

— У тебя одна зацепка пока? Одна, одна, знаю… Когда нашёл?

— Вчера вечером, у сараев…

— Значит, и сегодня там же найдёшь! И в то же самое вре-

мя. Раньше можешь не искать даже! Зацепка всегда в одно и то же время появляется… Ты сегодня осторожней будь. Не рискуй, с одной зацепкой это плохо. Подкопи сначала их… Если умный, поймёшь меня…

— Хорошо, — я кивнул, уже прекрасно понимая, о чём она говорит.

— А сейчас ступай к своей Ольге. — отвернулась старушка. — Она тебя ждёт. Она… она боится четверга…

— Откуда вы… — опешил я. — Но ведь мне нельзя…

Старушка молчала. И тут меня пронзила догадка.

— Оля… тоже — проснулась?!

— Не так, как ты или я… Но — да. — кивнула Мария Степановна. — Она, и ещё один человек, кроме нас с тобой и со Светкой. Но тот тихо живёт, устраивает его всё… Может, ещё кто-то, да не мельтешит, и молчит в тряпочку. Иди, иди, я завтра тут же буду, никуда не денусь. Сам же знаешь… — она снова беззвучно засмеялась.

А вот мне было совсем несмешно… Мне было страшно.

Глава 6. Сложные решения

У дверей ФАПа я замешкался.

На душе было тоскливо и гадко. Если всё, что мне рассказала старушка — правда, то — что я сейчас услышу от Оли? Что все наши встречи, о которых я помню — ложь, а мы с ней друг другу — абсолютно чужие люди? А если она после своего так называемого пробуждения просто вынужденно играла свою роль, не испытывая при этом ко мне никаких чувств, то захочет ли она вообще говорить со мной? Может, будет лучше, если я сейчас развернусь и просто пойду домой, чтобы не вынуждать её врать и изворачиваться? Да, наверное, так и следует поступить! Оля — хорошая, и ни к чему заставлять её терпеть общение с навязанным ей мужчиной…

Приняв решение, я решительно развернулся и стал спускаться крыльца.

— Кирилл? — голос за моей спиной звучал тихо и робко.

Я медленно повернулся и встретился взглядом с Олей. Её глаза смотрели на меня встревоженно.

— Я… я забыл сходить в магазин… — я буркнул первое, что пришло мне в голову. И это прозвучало как самая жалкая отговорка в мире.

— Ты проснулся. — Оля не спрашивала, но я в ответ на её слова коротко кивнул и отвёл взгляд.

Гадство, какая же неловкая ситуация…

— Ну, я, наверное, пойду? — спросил я и внутренне поёжился от своей дурацкой фразы. Ох, Кирилл, ты совсем не умеешь разговаривать с женщинами!

— Если ты в магазин, то купи, пожалуйста, молока.

Я удивлённо посмотрел на Олю.

— Для котёнка, — на лице Оли появилась смущённая улыбка. — Ты всегда покупал ему молоко, и он ждёт тебя… И я жду…

В кабинете Оли было прибрано, пахло спиртом и какими-то травами. На кушетке в углу тихо дремал рыжий котёнок. На моё появление он отреагировал очень бурно. Зевнул, потянулся, спрыгнул с кушетки, потёрся о мою ногу и благодарно мурлыкал, когда я наливал ему молока в принесённую Олей чашку. Принтер, о котором Оля говорила утром, стоял на столе.

Я подошёл к аппарату. Сетевой шнур был не до упора вставлен в гнездо подключения. Обычное дело. Я воткнул шнур, принтер пискнул и затих. Я вопросительно посмотрел на Олю.

— Прости, — Оля смущённо пожала плечами. — С каждым днём сочинять новый повод, чтобы ты зашёл, становилось всё сложнее и сложнее…

— Зачем? Чтобы не ломать алгоритм дня? — я постарался, чтобы мой голос прозвучал как можно безразличней.

— Алгоритм дня? — недоумённо переспросила Оля. —

А, ты об этом… И да, и нет…

— Ты уже давно проснулась, Оля… Зачем тебе это всё?

Оля напряжённо посмотрела мне в глаза. В них я увидел целую палитру чувств: изумление, смущение, радость, испуг и… что-то ещё. Она отвела взгляд, не ответив на мой вопрос.

— Я думаю, что нам надо отбросить все эти притворства, и поговорить. Если тебе неприятно, я просто уйду, и всё!

Оля вздрогнула, но продолжила молчать.

— Этот котёнок… — продолжил я, глядя на лакающего молоко зверька, — он ведь каждый день приходит! Один и тот же! И ты каждый день делала вид, что видишь его впервые! Ты каждый день ждала меня, говорила со мной… Но сегодня я тоже проснулся. Так зачем я здесь сейчас? Ты ведь знала, что этот день повторяется, правда?

Я молчал и ждал ответ.

Оля присела на кушетку. Её лицо в полумраке казалось очень хрупким. Она дрожала, и казалось, что вот-вот заплачет.

— Знаю, Кирилл, — прошептала она. — Но я… я боюсь…

— Чего ты боишься? Шороха?

Оля покачала головой.

— Дело не в Шорохе… Я боюсь, что… Что, если я признаю это вслух, начну идти по другому пути, то тогда всё исчезнет. И этот ФАП, и котёнок, и ты… В моей памяти… там, до этого посёлка… было много темноты. Теперь я это точно

помню… Я не хочу туда возвращаться. Мне здесь хорошо, — Оля всхлипнула. — Я хочу, чтобы всегда была эта среда!

Я изумлённо молчал. Реакция Оли меня обескуражила.

— Когда это произошло, я сначала думала: с ума сошла. Потом думала: это подарок. Потом — что это наказание. Потом — что это шанс. А потом… — она усмехнулась, коротко и обречённо. — Потом я поняла, что мне уже всё равно, как это назвать. Мне просто стало… не так больно.

— А в той жизни? Что у тебя было там?

Она посмотрела на меня — прямо и открыто.

— В «той» жизни я была педиатром, Кирилл. Хорошая работа в детской больнице. Муж. Дом. Планировали ребёнка. Год. Второй. Третий. Затем — врачи, анализы, обследования. Сначала была надежда. Но потом приговор: бесплодие. И знаешь, что самое мерзкое? — Оля пристально вгляделась в мои глаза. — Не диагноз, а — тишина после него! Вроде и живём в одной квартире, дышим одним воздухом, а вокруг — тишина...

Оля подошла к окну и невидящим взглядом уставилась в него, погруженная в тяжёлые воспоминания.

— Муж ушёл. Не сразу, но ушёл. И я его не виню, потому что он ушёл не от меня, а от той боли, что поселилась в нашей квартире. А я осталась и постепенно стала… — она махнула рукой, — исчезать. Сначала друзья. Потом — я сама. Я начала пить. Сначала по выходным, а потом уже и на работе, прячась в туалете. В итоге меня уволили. Бывшая

коллега подсуетилась, определила меня в наркологию. И вот уже оттуда… — Оля замолчала, глаза её наполнились счастьем, — вот оттуда я и «приехала» в этот посёлок. Просто однажды проснулась, но уже не в палате, а — здесь! В этом тихом и спокойном январе. В самом замечательном дне на свете! А в памяти было — что я просто приехала сюда после развода с мужем! И больше никаких плохих воспоминаний! Здорово, правда?

Я не знал, что ей ответить.

— Мне моя бабушка в детстве, когда мне было лет семь, варежку связала. Маленькую, красную. И сказала тогда: «Вторую свяжешь своему ребёнку». Я её всю жизнь помнила, варежку эту. Даже когда уже думала, что мне плевать. А потом я нашла эту варежку здесь, — Оля вытащила из кармана халата маленькую красную рукавичку. — Она лежала в ящике стола. Я ревела как дура. Хотела домой забрать — а в сумке уже лежала такая же. И на следующий день опять нашла. И пробуждение пришло… Она и стала моим якорем.

Оля подошла ко мне и поймала мой взгляд.

— Я пыталась тебя разбудить, Кирилл! Правда, пыталась! А ты знаешь, что самое страшное? Нет, не Шорох, он, конечно, мешал, пугал… А то, что ты был добрый. Всегда! Я могла на тебя наорать, могла прогнать — а ты на следующий день приходил как ни в чём не бывало. И я сначала ненавидела тебя за это. А потом… — она криво улыбнулась, — потом я стала тебя ждать. Каждый день…

— Ты меня… использовала?

Оля резко дёрнулась и отстранилась.

— Да! Использовала! И мне было стыдно. Потому что это… нечестно! Потому что ты был «мой» только потому, что так тебя сюда вложили. А я… я держалась за тебя, потому что иначе я бы снова провалилась туда, где темно. Я ведь хотела, чтобы эта среда была вечной. Чтобы никогда не наступил четверг. Потому что четверг — это реальность. А реальность мне уже делала больно. Я не хотела обратно!

Оля устало присела на кушетку.

— Когда я вспомнила всё — всю свою прошлую настоящую жизнь, ко мне вдруг озарение пришло. Я вдруг захотела «невозможного» — ребёнка. Здесь. Потому что здесь никто не умирает. Ты не знаешь? — Оля вопросительно посмотрела на меня. — Это так невероятно! Здесь нет рака! Здесь нет реанимаций. Здесь даже кладбища нет. У меня здесь в самый тяжёлый день всего пять-шесть пациентов, и то — мелочи! Давление, порезы, вывихи, простуды, женские неприятности… Большинство вообще приходит с придуманным поводом, просто чтобы поговорить… И я подумала — раз уж это фальшивый рай, то пусть он даст мне то, чего у меня никогда не было и не могло быть. Я… я даже представляла варежку вторую. Уже видела, как я её вяжу.

Оля замолчала и потом добавила тише:

— Несколько дней назад я поняла, что ты просыпаешься… Не знала, как мне быть. Не знала, что тебе сказать, как

объяснить всё это… А потом я вдруг поняла, что если здесь родится ребёнок… это будет не чудо. Это будет… ловушка, — для него... для ребёнка. Что я смогу ему дать здесь? Вечную зиму? Идеальное, но монотонное движение в никуда? И — Шорох, как надёжный поводок. И я… — она стиснула зубы, — я не хочу такой «победы». Нет, только не так… Не хочу!

Я сел рядом и обнял её. Оля сразу же прижалась ко мне, уткнувшись в плечо лицом и мелко вздрагивая. Она была тёплой, живой, настоящей.

— Это так странно, Кирилл, — прошептала Оля. — Когда всё, что ты помнил, вдруг начинает стираться… Ты тоже скоро начнёшь чувствовать это... Я сначала забыла, как мы праздновали с тобой вместе Новый год. То есть — помню, что это было, но как-то… как грубый рисунок. Не помню, в каком платье я была, какое шампанское мы пили, какие песни играли в клубе… Потом стало стираться остальное, так же уходить… А то, — настоящее — прошлое, что было до всего этого, вдруг стало наоборот — приближаться. А я его таким знать не хочу… Мне лучше, чтобы всё было так, как было здесь… Именно здесь для меня всё было хорошо!..

Оля замолчала.

— А ты… Ты уже рассказывала мне о своей… той жизни? — спросил я. — Раньше.

— Один раз, — тихо ответила Оля. — Всего один раз, спустя десять или пятнадцать сред после пробуждения. И то,

как ты тогда на мой рассказ отреагировал, стало для меня… В общем, ты меня тогда понял и не оттолкнул…

Оля подняла голову и внимательно посмотрела мне в глаза.

— А сейчас ты проснулся, — выдохнула она. — И я не знаю, радоваться мне или бояться. Потому что если ты забудешь нашу придуманную историю, если вспомнишь себя, своё настоящее прошлое… ты можешь уйти. Ты можешь однажды посмотреть на меня, и сказать: «Кто ты вообще такая?» И уйти. И я тебя не удержу... Я, наверное, дура, правда?

Она продолжала смотреть на меня. В её глазах стояли слёзы.

Вот что ей ответить? Всё, о чём она говорила, звучало жестоко, но честно. Она уже приняла тот факт, что все наши отношения, прежние разговоры и встречи — ложь, но я-то ещё нет! Она права: как я буду к ней относиться, когда тоже окончательно вспомню себя? Буду ли я её помнить вот такой, какой она была для меня сейчас? Ведь у нас с ней на самом деле был всего один день нашего настоящего знакомства, один день — эта чёртова среда. Да, этих дней было много, но он всё равно был один! И держался он только на тех воспоминаниях, что у нас были от «нулевой ниши». А сегодня эта ниточка, связывающая среду со всеми остальными днями, с часами, с минутами нашего с ней «общения», наших «отношений», оборвётся… Разрушение…

— А если… если я не уйду?

Она усмехнулась, горько и тепло одновременно.

— Тогда ты — сумасшедший! Как и я. И, может быть, поэтому у нас есть шанс…

Котёнок, на которого мы во время разговора перестали обращать внимание, мурлыча снова начал тереться о мою ногу.

— Ты ему нравишься, — улыбнулась Оля. — Всегда нравился. Особенно когда приносил ему молоко…

Некоторое время мы молчали.

— Кирилл… — начала было Оля и замолчала.

— Что?

— Я… Я не знаю, чем у нас всё закончится… Даже если не получится ничего… Но я прошу тебя об одном… Если ты найдёшь небольшой, самый мизерный, шанс выбраться из этой долбанной среды с её идеальными настройками, если ты найдёшь выход отсюда, пожалуйста, не бросай меня здесь!..

— Оля, я пока мало что понимаю…

— Ты разберёшься! — уверенно заявила Оля. — Я почему-то уверена, что ты точно во всём разберёшься!

Ну — вот! Сначала Светка, а теперь ещё и Оля! Да что же вы все из меня какого-то супермена делаете?! Этот разговор надо было заканчивать. Тем более что у меня было ещё одно дело — разобраться в вопросе, который никак не давал мне покоя. Было ещё одно неизвестное в этом безумном уравнении, которое мне принёс сегодняшний день…

— Послушай, Оль, — сказал я, поднимаясь, — мне нужно кое-что проверить. Прямо сейчас…

— Ты уходишь? — с отчаянием спросила Оля.

— Это очень важно. Для всех нас. Но я вернусь! И давай уже, заканчивай ломать технику! Не ищи повод, он тебе уже не нужен. Договорились?

Она согласно кивнула, но теперь в её глазах был страх.

— Я чувствую беду, Кирилл… Давно уже чувствую её… Всё хорошо, но… как будто что-то надвигается на нас…

— Чувствуешь, значит — живая! — попытался приободрить её я.

Получилось не очень… Более того, я и сам после этих слов задумался — а жив ли я сам?.. Диалог с Олей мне дался тяжелее, чем шокирующая новость от Светки и сокрушающие рассудок разъяснения Марии Степановны. Нет, всё-таки Светка права: мы все здесь — живые люди!..

Я вышел из посёлка, когда сумерки уже должны были сгуститься, но небо оставалось всё тем же мутно-серым, как и час, и два назад. Я шёл по дороге, ведущей к трассе, соединяющей наш посёлок и районный центр, что был от нас в четырёх сотнях километров таёжных дорог. «Направлений», — как здесь говорят местные. Если они, и правда, местные…

Снег под ногами привычно скрипел, но чем дальше я уходил, тем тише становилось вокруг. Пропал лай собак, приглушённый гул газовой котельной.

Через полчаса пути я остановился. До трассы оставалось ещё с километр, но дорога передо мной просто… закончилась. Она не обрывалась пропастью. Не перегораживалась упавшим деревом. Я видел деревья дальше, видел заснеженную трассу, уходящую к сопкам, но это была лишь… картинка! Двинуться дальше я просто не мог!

Я поднял руку и коснулся воздуха перед собой. Пальцы упёрлись в холодную, абсолютно гладкую поверхность. Она была твёрдой как гранит, но при этом оставалась невидимой. Я провёл по ней ладонью, потом достал телефон и, включив на нём фонарик, попытался разглядеть более внимательно — стена, слегка мерцая под лучиком света, уходила вверх и в стороны так далеко, насколько хватало глаз.

Я упёрся в стену руками и попытался толкнуть, сдвинуть — безрезультатно. Ударил по невидимой преграде кулаком. Звук был сухим, коротким. Стена даже не дрогнула!

По обе стороны от дороги было всё то же самое — стена, пронзающая снег и то, что было под ним, и уходящая в мутное облачное небо. Стена как огромный экран, проецирующий нам то, что ожидал увидеть наш мозг.

В моей памяти было воспоминание только об одной дороге, ведущей к трассе. Но то, что я увидел, ещё вовсе не означало, что весь посёлок окружён этой «волшебной» стеной. Могли быть и другие дороги или тропы. Посёлок находился в тупике, но, насколько я помнил (и насколько можно было доверять этой моей ложной памяти) — на западе была ка-

кая-то старая объездная дорога, которой пользовались лесозаготовители ещё полвека назад. Надо бы завтра проверить. А, по-хорошему, необходимо раздобыть карту и поговорить с кем-нибудь из «старожилов». Не верилось мне, что это место просто появилось из ниоткуда.

Может быть, это какой-то научный эксперимент? Я читал о чём-то подобном в фантастических произведениях, да и фильмов, что о «дне сурка», что о попавших в изолированное место людях, было немало. Но данных для полного анализа мне пока не хватало… А тех, что были, оказалось достаточно, чтобы начать потихоньку сходить с ума…

Я, насколько это было возможно, приблизился к невидимой преграде и внимательно всмотрелся за неё. Ох… Лучше бы я этого не делал!

Как только мои глаза оказались максимально близко от этого «стекла», как всё за ним мгновенно изменилось! Словно кто-то снял с окна защитную плёнку. И я видел там уже не продолжение снега, деревьев и очертания сопок, не уходящие за горизонт зигзаги проводов ЛЭП, там было… Сине-бело-черное переплетение из всевозможных зданий — многоэтажных домов и деревенских изб, автомобилей разных марок и размеров, куски вагонов, кормы кораблей, крылья огромных самолётов. Всё было изжёвано и перекручено, смято и раздавлено, и — словно впаяно в монолит изо льда и чего-то тёмного, похожего на застывшие потоки дёгтя. В ошеломлённом мозге колыхнулось было смутное вос-

поминание, словно я где-то и когда-то уже видел что-то подобное, но немного в другом виде. Колыхнулось, но тут же пропало…

Я медленно отодвинулся от стены, и тут же картинка снова сменилась на первоначальную — ту, что я увидел сразу. Снег, тайга, сопки, натянутые между опорами струны ЛЭП, заволочённое облаками небо…

Зазвонил телефон. Это был Лёвочка. Я некоторое время тупо смотрел на экран, а потом сбросил звонок и перевёл телефон в беззвучный режим. Почему сбросил? Да потому что не знал, как буду реагировать на голос друга… Но телефон после даже не завибрировал. Лёвочка, или кто бы это ни был, не стал перезванивать…

Уже стемнело, и всю обратную дорогу мне пришлось пользоваться фонариком телефона. Возвращался в посёлок я в каком-то оцепенении. Мозг учителя математики лихорадочно перебирал варианты, я цеплялся за мысли, прикидывал свои дальнейшие действия, тут же все отметая и начиная искать новые.

Окна ФАПа были темны. Оля уже ушла домой, не дождавшись меня. Где она живёт я «помнил», но идти сейчас не решился. Завтра поговорим. Завтра…

Возле сараев я остановился и поискал глазами то, что уже точно готов был тут обнаружить. Да, звёздочка лежала там же, где я её вчера и нашёл. Поднял, положил в карман.

Дома я сел за стол. Передо мной на столе лежали две, аб-

солютно одинаковые звёздочки. Потёртости, царапинки — всё совпадало на сто процентов. Это была одна и та же звёздочка, но в двух экземплярах. Одна из вчера, другая — из сегодня. Значок… То, что заставило меня проснуться, — мой маленький якорь из детства… Якорь… Теперь я был уверен, что уже не раз использовал это слово раньше, в сходном с этой ситуацией, смысле. Но когда и почему — память не дала ответ. Ладно, потом постараюсь вспомнить. Ну, или оно само скоро ко мне придёт, это воспоминание, когда ложная память схлынет...

Я осмотрел свою квартиру так, словно увидел её в первый раз. Да оно так и было на самом-то деле. Знакомая, но чужая…

Открыл холодильник: сыр, колбаса, йогурт, пачка сока. В хлебнице — буханка. Но я не покупал их ни сегодня, ни вчера. Да и покупал ли я их когда-то вообще? Я этого не помнил. Мусорное ведро, стоящее под раковиной, никогда не переполнялось, но я сегодня его не выносил, как и вчера, я не помнил, чтобы хоть раз выносил его! Моя одежда, которую я надел сегодня утром, насколько я помнил, была чистой и отглаженной. Носки, рубаха, брюки — всё в идеальном состоянии. Но вчера я их и не стирал, и не гладил! И вообще этого никогда здесь не делал. Ведь насколько я мог видеть теперь, в квартире не было даже стиральной машины, не говоря уже о гладильной доске и утюге. У печки, где вчера вечером я сжёг последние поленья, снова аккуратной стопкой лежали

сухие дрова, в том же количестве, что и до растопки. Но я утром не заносил их из сарая...

Этот мир не просто зацикливал день. Он обслуживал меня! Обслуживал в строгих рамках одного дня. «Нулевая ниша» создавала идеальный, безоблачный комфорт, подстраиваясь под мои привычки и потребности. Это была тончайшая иллюзия, построенная на моих глубинных желаниях. Но такая реальная, что у меня не хватало никаких, даже самых невероятных, предположений о том, кто бы мог такое осуществить! И если это всё-таки — эксперимент, то кто же его тогда над нами проводит? И что это за эксперимент? Зачем? Сделать нас счастливыми? Дать нам душевный покой, погрузить в мягкие волны абсолютной безмятежности? И почему именно мы? И почему именно здесь — в зимнем посёлке, вдалеке от цивилизации? Вопросы, одни вопросы…

Я растопил печь, и, глядя на языки пламени, поедающие древесину поленьев, вдруг поймал себя на мысли, что этот комфорт далеко не так уж и плох. И меня охватило искушение — а что, если просто поддаться? Отказаться от этой безумной борьбы, которую я себе наметил, пока шёл от стены в посёлок? Разве я не этого хотел когда-то? Спокойствия, размеренности, ощущения, что все на своих местах? Без начальников-самодуров, без необходимости притворяться, без тревожных предчувствий и дурных новостей… Здесь всё было идеально, пусть и лживо. Скучно? Возможно. Но моя среда не была для меня скучной. Любимая работа, интересное

общение, Оля… Для одного дня — вполне достаточно! К тому же сейчас, проснувшись, я могу жить в этой среде по другим законам! Прогнуть этот день под себя! Брать каждый день у директора отгул, он же на следующий день всё равно об этом не вспомнит! Вместе с Олей идти на склон, и кататься на лыжах. Устроить, наконец, ужин при свечах, который я ей обещал уже несколько раз, и на который она уже и не рассчитывала. Можно делать всё что угодно, не заботясь о деньгах, продуктах, одежде… Никаких проблем, никаких сложностей. Просто снег, уютная квартира, весёлый сосед, любимая работа, дети, которые тебя слушают, безобидные коллеги, вечерние разговоры с другом из прошлого. И Ольга, которая тебя всегда ждёт… Идеальная среда…

Покой… Такой манящий, такой желанный. Словно эта «нулевая ниша», как назвала это место старушка, читало мои самые глубокие желания и воплощало их. Словно она предлагала мне именно то, о чём я когда-то мечтал: стабильность, отсутствие хаоса, комфорт. Эта среда была заботливой, ласковой. Она нежно убаюкивала, обещала вечное спокойствие. А если ты начинал хулиганить, посылала тебе предупреждение. Шорох… Предупреждение, лишающее тебя одного из «якорей». Напоминание о том, что альтернативой счастливой жизни может выступить куда более страшное — механическая жизнь в Пустоте…

Я опустил взгляд на октябрятские звёздочки в своих руках. Эти две звёздочки, как вешки, как навигаторы, указы-

вали на одну простую истину: это не покой, это — ловушка. Идеальная тюрьма для ослеплённого покоем человека. Тюрьма, из которой не хочется бежать. Но надолго ли меня хватит?

Каким бы комфортным ни был этот день, он был ненастоящим. Как и мои воспоминания о том, как я приехал сюда, о том, как я налаживал здесь свою жизнь. Скоро они начнут меркнуть, если верить словам Оли и старушки… Но даже эти приятные, и пока никуда не девшиеся, воспоминания не способны были задавить во мне человека, который не может принять эту фальшь...

И что-то в этом своём отношении к происходящему меня сильно настораживало… Я прокрутил в памяти события, которые предшествовали моему отъезду в этот посёлок. Кем я был раньше? Учитель, а потом — продавец. И там, и там — достаточно неплохой специалист. Но я не помнил, чтобы когда-либо был таким, как сейчас — разумным и логичным, пугающе спокойным и рассудительным. Я всегда плыл по течению, как все. Иногда прибивался к одному берегу, иногда — к другому. Но после всегда опять входил в ту же самую воду. Да я даже своё решение поехать на край страны в сельскую школу и то сейчас понимал с трудом! Как я на такое решился?! Что же такое произошло, что я стал вот таким, каким ощущаю себя сейчас? Я сегодня в течение одного дня поборол в себе страх… Ладно, будем честны — не поборол.

Но, как минимум, — смог принять! Что же могло так меня изменить? Откуда у меня это странное желание действовать? Надеюсь, что память скоро вернёт мне эти воспоминания… А пока…

А пока, раз уж я такой невероятно целеустремлённый (ха-ха!) — не заняться ли мне составлением чёткого плана действий на завтрашний день?

Есть, несмотря на двухчасовую прогулку по свежему воздуху, совершенно не хотелось, поэтому решил обойтись этим вечером лишь кофе и чаем с печенюшками.

Я сел за ноутбук. Интернет ожидаемо работал через одно место — через медную пару… Так, стоп, а как, собственно говоря, здесь работает интернет, мобильная связь? Как сюда попадают продукты, почта, лекарства? А электричество? А люди новые как здесь появляются? Я напряг память, но ничего из заложенного в меня нужной информации не имело. Почта приходила в субботу, но я это просто «знал». Она развозилась сотрудником сельской администрации — мужем нашей учительницы начальных классов — работающим на полставки местным почтальоном. А как корреспонденция попадала из района к нему — загадка. От посёлка на юг тянулись линии электропередач, но провода тоже просто уходили в стену, превращаясь в волшебную картинку. Я не помнил случаев, чтобы в посёлке появлялись новые люди, это раньше воспринималось мной просто как информационный шум, внимания я на это никогда не обращал…

Я открыл текстовый редактор и начал записывать всё, что сегодня произошло. Каждое слово Светы, каждое слово Марии Степановны, свой диалог с Олей. Описал свои ощущения Шороха, увиденное на границе между посёлком и трассой, изложил всё, что понял о «нулевой нише». Потом начал набрасывать свои мысли.

Я писал долго. Даже сам не ожидал от себя, как много всего придётся анализировать и сопоставлять. Было много и открытых вопросов, догадок и предположений, их я вынес в отдельную категорию.

К полуночи я почувствовал, что засыпаю. Это было странное, неодолимое желание. Словно кто-то нажал на кнопку «сон». Раньше, при проверке тетрадей, я такого давления от Морфея не испытывал. Или — не было никаких «проверок тетрадей» по ночам, и это всё — просто навязанные мне воспоминания?

Но я боролся со сном как мог. Пил остывший кофе, ходил по комнате. И продолжал вносить в текстовый файл всё, что считал крайне важным, уже не особо заботясь о каком-либо форматировании текста. Просто набивал подряд строку за строкой. Но веки становились все тяжелее и тяжелее. Часы на стене показывали начало пятого утра. По сути — уже начался следующий день, очередная среда.

Сон меня побеждал, это было уже очевидно. Я кое-как нашёл в себе силы забраться на кровать, где я и отключился, зажав в каждой руке по октябрятской звёздочке. Моей по-

следней мыслью было: «хоть бы завтра был четверг!»

…Сначала я просто висел в темноте, подвешенный между реальностью и провалом. Мне казалось, что я не сплю, хотя спать хотелось жутко, а просто… погрузился в глубину самой ткани этого мира, сквозь белый шум и скрип снега.

А потом…

Потом я увидел котёнка. Того самого, рыжего и пушистого, которого уже бог знает сколько сред подряд поила молоком Оля. Но это почему-то был не котёнок, а — маленькая, лет четырёх-пяти, рыжеволосая девочка. Хотя при этом я ясно осознавал, что это — именно котёнок. Она смотрела на меня, и её глаза горели двумя изумрудами. В этом взгляде легко читалось лишь одно: «Вставай! И иди!».

Я встал, и кровати подо мной не стало. Я стоял на поверхности бесконечного белого океана, сделанного из миллиарда крошек. Но это был не снег. Я нагнулся и зачерпнул крошки рукой. На ладони, сверкая гранями, лежали микроскопические кристаллики. Все — одной и той же формы, в виде маленьких пирамидок.

Девочка была тут же, шагах в пяти от меня. Она убедилась, что я её вижу, развернулась и пошла вперёд. Я стряхнул кристаллики с ладони и двинулся следом.

И как это часто бывает во снах, вдруг, безо всякого перехода, рядом со мной стали появляться здания — школа, ФАП, дом, в котором я живу, дома, которые я видел в посёлке, здание магазина… Они стояли совсем не в том поряд-

ке, как в посёлке, а просто так, как модели на выставке — ровненько в два ряда. А я шёл между ними, с удивлением заглядывая в них. Стены всех зданий были прозрачными, и внутри, как манекены в витринах, застыли статичные образы людей. Дядя Миша — растирающий замёрзшие руки. Марина-биологичка — с мобильником у уха. Семён Викторович, с чашкой чая в руках. Улыбающийся директор школы. Зевающий Егор Смирнов. Их было здесь около сорока человек. Все те люди — дети и взрослые — которых я встречаю каждый день. Все они были похожи на остановленные кадры старого немого чёрно-белого кино.

Я моргнул, и как-то вдруг оказался в своём классе. Учеников не было. В классе была только доска, а парты и учительский стол отсутствовали. Да и доска была вовсе не та, что висела в классе, не привычно зелёная, а — чёрная. Черная, как Пустота.

Девочка-котёнок встала у доски и вопросительно посмотрела на меня.

Я подошёл к доске и взял в руки мел. Мел, казалось, был сделан из самого света. Я поднёс мел к доске и начал писать.

Я не писал цифры. Я не писал буквы. Я писал непонятные мне знаки, которые складывались в формулы, которых я не знал. Я писал долго. И когда я закончил и отошёл от доски, то увидел на ней лишь одну надпись: «5 + 4 = 1».

И в тот же миг, в этой пустоте, прозвучал удар грома. Стена за спиной рухнула, и в образовавшейся дыре я увидел

её. Огромную, пронизывающую небо, светящуюся в темноте Пирамиду, состоящую из чистого света. Она возвышалась над всем миром, как гора над муравейником.

Я видел, как от её вершины стекаются потоки энергии, и срываются тяжёлыми маслянистыми каплями вниз. Я прикрыл рукой глаза от ослепительного света, идущего от этой Пирамиды, и почувствовал, как детская рука с силой дёргает меня за рукав. Раз, два, три!..

Я открыл глаза. Нос щекотал запах свежесваренного кофе. Часы на стене показывали шесть сорок пять утра. 25 января. Среда. Но значки в руках, которые я так и не выпустил за время своего сна, были для меня знаком, что эта среда для меня уже никогда не будет прежней!

Глава 7. Копим якоря!

Даже не выглядывая в окно, я со стопроцентной уверенностью знал, что там — всё тот же бесконечный белый снег, тихо падающий на посёлок в полумраке раннего утра.

Я не торопился вставать. Я лежал и смотрел в потолок, пытаясь привести все свои мысли в чувство. Сон. Он не стал выветриваться из головы подобно прочим снам. Я ясно помнил его весь, от начала до конца. Он что-то значил, я это чувствовал, но — что? Мозг активно переваривал всё, что я пережил за прошлую среду, а сон лёг на всё это сверху, придавив имеющееся «невероятное» грузом «необъяснимого».

С кухни продолжал доноситься запах кофе. Кофеварка, которую я вчера вечером не ставил на таймер, самостоятельно обеспечила себя работой. Казалось, мир сам стремился убедить меня в своей незыблемой стабильности, в идеальной повторяемости.

Я лежал на кровати, не открывая глаз, чувствуя угловатые кусочки металла в своих ладонях. Две октябрьские звёздочки. Одна — та, которую я нашёл вчера. Вторая — «позавчерашняя». Вот они. Не сон. Не бред. Не игра разума, а — факт. Это нечто — произошло. А значит, это нечто — реально. Мысль о формуле «5+4=1» пронзила мозг, как вспышка. Она была бессмысленной, но упорной, навязчивой.

Мои вчерашние записи!

Я кинулся к ноутбуку и окаменел, глядя в экран.

Все мои мысли, все мои записи, мои вчерашние попытки систематизировать увиденное и услышанное — всё исчезло! Экран был пуст, а последний открытый файл, который я сохранил и оставил открытым, словно никогда и не существовал. Я замер, глядя на это доказательство. Вот оно — скрытое свойство идеального дня! А ведь старушка мне о чём-то таком говорила… Это была не просто зацикленность дня. Это было тотальное обнуление всего, что не вписывалось в «идеальную среду», очистка, сброс до заводских настроек. Как будто мир говорил: «Не сопротивляйся. Оставайся в покое. Я всё сделаю за тебя».

Я долго смотрел на экран, словно надеялся, что файл появится сам собой, а потом огляделся вокруг. «Идеальное место» уже казалось мне не таким идеальным. Всё, что бы я ни сделал «вчера», станет совершено пустым «сегодня»! Нулевым… И данное положение вещей мне не нравилось.

Погруженный в тяжёлые мысли, я прошёл на кухню. Кофе на кухне уже ждал меня, свежесваренный, ароматный, именно того терпкого запаха, который я любил, хотя никогда не выбирал зёрен и не выставлял помол. Он просто появлялся! Дрова у печи лежали аккуратной горкой на том месте, где вчера поздно вечером уже было пусто.

Уравнение «5+4=1» снова промелькнуло в голове. Что оно означало? Я не знал, но чувствовал — это ключ. Ключ к пониманию этого места. Чёрт бы побрал эти загадочные сны!

Ну, почему нельзя показывать сны не запутанно, а прямо?! Мол, Кирилл, надо взять вот это и этим сделать вот то-то, и всё! Так нет же, обязательно надо всё зашифровать!

Я глубоко вдохнул, прогоняя нахлынувшее раздражение. Спокойно, Кирилл, спокойно! Ничего страшного не произошло. Файл пропал? Да и чёрт с ним! Всё у тебя в голове, Кирилл! А это значит, что ничего не пропало. И раз уж среда мне предлагает такие условия, что же, я их приму, и обязательно учту! Напротив, она этим полным ежедневным обнулением только развязывает мне руки! И пропажа файла никак не влияла на то, что я планировал сделать в ближайшие дни: не бесить «нулевую нишу», не провоцировать Шорох, наблюдать. Наблюдать и исследовать…

Спускаясь по лестнице, я встретил дядю Мишу. Сегодня на нём была лисья шапка.

— Здорово, Кирилл Николаич! Морозец — во! Еле машину разогрел. Даже свою жену у меня разогревать быстрее получалось… Шутка! Тебя подвезти?

Я криво улыбнулся и отказался. Вчера на нём была барсучья шапка. Мелочь, но теперь я видел эти мелочи. И это было лишь подтверждением: мир пытается подстроиться, дать иллюзию «почти как было», внести продуманные «погрешности» идеальности.

У ФАПа стояла Оля, и я подошёл к ней. Она стояла на крыльце, привычно кутаясь в свою красную курточку. Её глаза, полные грусти и ожидания чего-то плохого, встретились

с моими. В этом взгляде было немое: «Что дальше?».

— Привет! Я вчера немного задержался, беспокоить не стал… Но есть новости. Сегодня сможешь освободиться часикам к четырём? Я к тебе зайду.

Оля настороженно кивнула. А я улыбнулся ей:

— Молока куплю для котёнка! Только ты на морозе шапку надевай, чтобы не простудиться… Ты мне здоровая нужна!

— Хо… хорошо… — Оля тоже улыбнулась в ответ. Улыбка её, сначала неуверенная, постепенно преобразилась. Теперь она смотрела на меня с надеждой…

В школе было всё, как обычно. Первый урок — урок геометрии. Я пришёл вовремя. Объявил тему — золотое сечение. Посмотрел на Светку.

Та сидела с напряжённой спиной и избегала встретиться со мной взглядом. Губы её были плотно сжаты. Ну, ещё бы! Я вчера в её глазах выглядел очень жалко…

Я вёл урок, как всегда. Без малейшего намёка на какое-либо отклонение. Светка не ответила ни на один мой вопрос, равнодушно рисуя свои сердечки. Но когда ученики уткнулись в свои тетради, решая задачи самостоятельной работы, я написал на доске два слова и привлёк внимание Светы. Она хмуро глянула на меня, потом на надпись, на которую я указал рукой, прочитала, замерла и снова посмотрела на меня, понимающе кивнув. Теперь в её глазах была радость.

На доске было написано: «Копим якоря!»…

День в школе прошёл как обычно. Я спокойно плыл по

течению заданного «нулевой нишей» алгоритма. Таков был план — смотреть, слушать, думать…

Вечером я встретился с Олей и рассказал ей об увиденном на границе посёлка. Про молоко для котёнка я тоже не забыл, в довесок купив для него ещё и каких-то кошачьих вкусняшек.

Информация о стене Олю напугала, но я её успокоил, пообещав во всём разобраться. Раскрывать свой «план» я ей пока не стал. Рано. Мне необходимо было получить больше данных об этом месте, внести в него коррективы. Да и реакция у неё могла быть совсем не та, что мне была нужна. А такая реакция была очень возможна, учитывая её нестабильное состояние. Она всё ещё боялась того, что я уйду из её жизни. Это было сильно заметно…

После разговора с Олей я пошёл домой, не забыв подобрать свою, уже третью, звёздочку…

Так прошёл почти месяц. Я ходил на работу, вёл себя как обычно, но вечерами, словно случайно, менял маршрут своего движения, потихоньку обходя посёлок, «вживую», а не полагаясь на встроенную память, знакомился с расположением домов и улиц, учреждений и прочих построек. Я знакомился с людьми, заводил лёгкие, ни к чему не обязывающие беседы. И Шорох ни разу себя не проявил!

Я изучал границы дозволенного, параллельно накапливая свои якоря для дальнейших, более решительных действий. Как выяснилось, мой значок появлялся далеко не каждый

день! Чем больше я отклонялся от обычного «маршрута среды», тем выше был шанс, что в конце дня нового якоря на месте не окажется… Это оказалось неприятным открытием. Но — логичным. «Нулевая ниша» пыталась меня дисциплинировать. Хорошо себя ведёшь, не пытаешься что-то изменить в этом замечательном и идеальном для тебя дне — на тебе конфетку в виде значка! Безобразничаешь, нарушаешь строго определённый ритм — никакой тебе конфетки! Среда даже проснувшихся умела держать на коротком поводке…

Каждый день моё фальшивое прошлое становилось всё более и более туманным, чужим… Несколько раз я разговаривал по телефону с Лёвочкой. Да, я понимал, что это всё неправда, и со мной говорит не он. Но он был единственной связью с моим тем — нанастоящим — прошлым…

Постепенно Оля перестала переживать из-за моего к ней отношения. Её страхи исчезли, уступив место доверию и ощущению, пусть пока ещё хрупкой, но всё-таки — близости. Мы просто решили начать наши отношения с чистого листа, и у нас всё получалось! Мы не стали отдаляться, чего так боялась Оля и, не буду скрывать, опасался и я. Мы словно заново узнавали друг друга, и наши отношения развивались — небыстро, но в очень хорошем русле. Торопить события ни я, ни она, не стремились. Гуляли вечерами по посёлку, а один раз даже сходили до стены, где Оля впервые сама смогла увидеть эту странную преграду. И все эти вечера, всё это вместе проведённое время, все наши разговоры

сближали нас сильнее и сильнее. Эта была ещё не любовь, но уже далеко не просто дружба мужчины и женщины.

Пока вся моя деятельность сводилась лишь к изучению — методичному и осторожному. До активных шагов пока было ещё далеко.

А начал я с картографирования. По наводке Марии Степановны познакомился с местным библиотекарем — Богданом Матвеевичем Слоником. Несмотря на смешную фамилию, Слоник оказался весьма солидным мужчиной, с не менее солидным брюшком. Ему было чуть за пятьдесят, а по образованию библиотекарь был учителем географии, что оказалось как нельзя кстати. Но, главное, — он был тем самым проснувшимся, о котором мне говорила Мария Степановна!

Богдан Матвеевич не задавал лишних вопросов. В его жизни, посвящённой служению библиотеке, которую в эту пресловутую среду практически никто не посещал, было не так много развлечений. Он не покидал своей уютной книжной кельи, но помогал своими дельными советами.

К сожалению, ни в школьной, ни в сельской библиотеке карт посёлка не нашлось, а интернет по поводу нашего посёлка выдавал странные крокозябры, отказываясь признавать его существование. Не оказалось карты и в кабинете главы посёлка, куда я направил Марию Степановну с надуманным предлогом — решения вопроса доставки дров пенсионерам.

Потому мне ничего другого не оставалось, кроме как про-

должить составлять примерный план посёлка и ближайших окрестностей, основываясь лишь на собственных наблюдениях. Я отмечал на нём каждый дом, каждую тропинку, каждый сарай и даже собачью будку. Всё, что представляло хоть какой-то интерес.

Мои помощники — Мария Степановна, Светка и Оля — также активно включились в этот процесс. В итоге мы вскоре получили очень подробную карту, а её «носителем» стала Светка, обладающая практически феноменальной памятью. Она каждый день старательно восстанавливала её в своём альбоме. Почему каждый день? Да потому что ежедневное обнуление стирало все её труды напрочь…

Шорох на эти наши действия пока никак не реагировал. Мария Степановна оказалась права — до наших «детских игр» ему дела не было. Ниша не видела в нас угрозы и не вмешивалась в наши дела…

Пока шла работа по формированию карты посёлка, я, помня о замечании Светки, провёл изучение времени. Мне помог простой наручный механический хронометр — без батареек. Днём я заводил его, выставлял текущее время, и каждый вечер в течение недели сравнивал с электронными часами на стене. Ход был идеален. Ни единой задержки. Часы здесь, в отличие от восприятия людей, не «ползли» и не «бежали», они шли точно! Светка была права. Это подтверждало, что сам механизм времени внутри Ниши функционирует стабильно, что зациклен именно день, а не само по-

нятие времени.

Провели мы и эксперимент с поимкой точного времени, когда для человека одна среда сменяется на другую. И он дал интересные результаты…

Во-первых, никто из нас так и не смог продержаться, не заснув, более чем до 5.47 утра. По крайней мере, это была максимальная точка во времени, которую мы смогли определить исходя из собственных наблюдений. После этого времени мозг просто отключался.

Во-вторых, самое раннее время пробуждения, которое нам удалось зафиксировать, упиралось в 6.01 утра. От будильников проку не было никакого — выставленный таймер обнулялся, как и всё остальное, и не срабатывал. То есть диапазон между «вчерашней» и «сегодняшней» средой находился между «пойманными» нами часами и минутами. За эти четырнадцать минут Ниша невероятным образом возвращала всё и всех в исходную точку среды.

И, в-третьих, где бы ты ни заснул — на кухне за столом, в кресле, или даже на диване в гостях, — ты всё равно просыпался у себя дома! Вернее — там, где обычно и просыпался каждое утро, в соответствии со сценарием «нулевой ниши». И при этом просыпался практически выспавшимся! А поймать момент переноса, полного обновления дня, мы так и не смогли. Потому что мы все к этому времени уже спали!

В один из дней идеальной среды Богдан Матвеевич рассказал нам о своём настоящем прошлом. Он проснулся по-

чти одновременно с Марией Степановной, и уже окончательно избавился от ложных воспоминаний. Выяснилось, что он в прошлой жизни был владельцем небольшого букинистического магазина в Москве. Естественно, ни в какой посёлок он переезжать не собирался. И последнее, что он помнил перед появлением здесь, был момент, когда он читал письмо от своего старшего брата, которого много лет считал умершим. И у Слоника тогда был не 2023 год, созданный в посёлке Нишей, а 2002-й…

В скором времени библиотека стала штабом для нашего маленького тайного сообщества. Богдан Матвеевич, как мне показалось, был очень рад оказаться владельцем центра притяжения проснувшихся, и каждый день баловал нас чаем с разного рода вкусностями. Мария Степановна два-три раза в неделю к нашим вечерним посиделкам-разговорам готовила свои вкусные пироги с капустой. И день ото дня наши отношения становились все более доверительными и открытыми. Мы уже были не просто товарищами по несчастью, мы стали настоящей семьёй.

В один из дней произошла странность, прибавившая к ситуации ещё больше невероятного и фантастического — я начал чувствовать свои якоря! В смысле — на расстоянии! Не знаю, как, но где бы я не находился, я точно знал, где они находятся, и сколько их. Я чувствовал каждый свой значок! Я мог мысленно потянуться к ним, и каждый из якорей тут же отзывался теплом. Поделившись открытием со своими дру-

зьями, я выяснил, что подобное от своих якорей ощущает только Светка, правда, гораздо слабее. Девушка предложила мне провести эксперимент, и мы два дня «играли», пряча якоря друг друга в разных местах. Сначала — в пределах комнаты, а потом и посёлка. В итоге у Светки способность чувствовать свои якоря значительно усилилась. Выявленная связь позволила нам сделать предположение о необязательности ношения якорей с собой на случай прихода Шороха. Но до проверки этой нашей теории в реальных условиях было пока рановато…

От использования мобильных телефонов мы отказались сразу. И дело было вовсе не в том, что мы боялись прослушки наших разговоров и сообщений Нишей. Она и так, наверняка, видела и знала всё, что происходит. Причина была проста: ни Богдан Матвеевич, ни Мария Степановна не имели телефонов. Видимо, Ниша не смогла вписать в их память навыки пользования этими устройствами, которых у них никогда не было, вот и не стала заморачиваться. Да и зачем нам были они нужны? Всё рядом, встречаемся каждый день, а во время выполнения «официальных дел» в ходе идеальной среды было просто не до разговоров… Только иногда мы с Олей обменивались между собой короткими сообщениями, вот и всё.

Одновременно с составлением карты и экспериментов с часами, я изучал границы посёлка. И мои исследования касались не только той дороги на трассу, что заканчивалась сте-

ной.

С северной стороны посёлка протекала река. Зимой она замерзала, и местные мужички и мальчишки частенько ловили здесь рыбу, буря недалеко от берега небольшие лунки. Я тоже сходил туда несколько раз, чтобы убедиться. Лёд был крепок, но за серединой реки, ближе к дальнему берегу, начиналась та же «стена», что и на дороге. Невидимая, но осязаемая. Она не шла вдоль всего русла реки, а отсекала её острым углом, уходя в заснеженную тайгу.

С востока посёлок граничил с лесом. Я пытался зайти вглубь, но неизменно возвращался к уже знакомым мне постройкам или к окраинам. Каждый раз я оказывался на точке старта, словно лес не пускал меня, запутывал снежные тропы, заставлял ходить по кругу. Это было не физическое препятствие, а скорее ментальное — ощущение дезориентации, внезапное «понимание», что я здесь уже был.

Западная часть посёлка была вся покрыта высокими снегами. Мы узнали, что раньше там находился центр старого посёлка, но со временем все переселились поближе к юго-восточной стороне распадка, оставив ветхие полуразрушенные строения догнивать в тишине и покое. Сейчас туда никто не ходил, даже собак поблизости не было видно. Так что до старой лесовозной дороги я так и не добрался. Был бы хотя бы снегоход, а ползти на своих двоих или даже на лыжах через пятиметровые сугробы неизвестно куда, рискуя провалиться сквозь занесённую снегом крышу какого-нибудь са-

рая и застрять там до весны, которая сюда никогда не придёт… Такое себе удовольствие…

Результаты моих исследований также были нанесены на карту, что позволило нам лучше понимать контуры нашего идеального мирка…

Убедившись, что из посёлка по известным и доступным тропам никак не выйти, мы перешли к сбору информации о жителях посёлка. База данных в ФАПе и библиотечная картотека Слоника были неполными, но здесь нам опять помогла Светка.

Оказалось, что она уже давно ведёт эту перепись, ещё по просьбе мамы, когда та тоже пыталась систематизировать информацию о посёлке. Сердечки, что Светка ежедневно рисовала в своих тетрадях, как раз и обозначали всех тех, кого она здесь встречала и о ком рассказывала ей мама! Воспользовавшись её нехитрой, но весьма эффективной системой подсчёта, мы получили примерный условный список жителей — 540 человек.

Обнаружились и странности. В посёлке оказалось лишь 37 детей в возрасте от восьми до шестнадцати лет, и все были учениками нашей школы. Ни одного дошкольника или грудничка. Не было в посёлке и ни одной беременной женщины…

Через три недели после моего пробуждения своё настоящее прошлое вспомнила и Светка. И это Разрушение далось ей нелегко. Девушка вспомнила, что на самом деле они с ма-

мой проживали в Екатеринбурге. Любовь Дмитриевна Петрова — её мама — была известной уральской художницей, и дочка тоже хотела пойти по её стопам. Ходила в художественную школу, имела много наград за участие в крупных конкурсах по рисунку и живописи, планировала после школы поступать в академию. А перенеслись они сюда вместе с мамой из 2028 года прямо во время совместной поездки за город. Из 2028 года! Эта новость подкинула мне новой информации для размышлений. Хотя мы и так уже давно поняли, что появились здесь не по собственной воле, а были выдернуты кем-то из своих настоящих прошлых, из своего времени, и помещены в эту странную идеальную среду внутри «нулевой ниши»…

Из всей нашей пятёрки только один я пока оставался «тёмной лошадкой». И не только для моих новых друзей, но и для себя самого. Я порой ловил себя на мысли, что одновременно и хочу, и… боюсь наконец вспомнить себя, своё настоящее прошлое. Как я приму своё Разрушение? Кем я был на самом деле до того, как оказался здесь? Какой я? Что окажется моим последним воспоминанием?

Выхода из посёлка не было — стена окружала его во всех доступных нам местах. Никто из других жителей, с которыми нам удалось пообщаться без риска вызвать Шорох, признаков приближающегося пробуждения не проявлял. Но мы продолжали знакомиться с посёлком и со всеми, здесь проживающими, надеясь получить нужную нам зацепку. Нам

необходимо было хоть что-то делать, это давало нам смысл жить…

Однажды мы с Олей, воспользовавшись моментом, пока Светка была в библиотеке с Марией Степановной, навестили её маму.

Петровы жили в маленькой двухкомнатной квартире, на первом этаже панельной трехэтажки. Таких домов в посёлке было всего три. Они стояли аккуратным треугольником у склона пологой сопки, совсем недалеко от школы. В большом дворе между домами находилась детская площадка — с качелями и горками, но она всегда пустовала — детей, которые могли бы там играть, в посёлке просто не было. Поэтому расчисткой её от снега никто не заморачивался, и сейчас мы видели лишь выглядывающие из сугробов яркие верхушки детских сооружений. Эта картина больше походила на затонувшие корабли детства…

Нас встретила улыбающаяся, ухоженная женщина лет тридцати пяти. На ней был цветастый домашний халат, подпоясанный лентой, волосы аккуратно уложены.

— Кирилл Николаевич? А я вас знаю! Светочка столько про вас рассказывала! Проходите, я как раз пирог с брусникой испекла!

Мы прошли на кухню. В воздухе пахло выпечкой и уютом. Но этот уют был каким-то стерильным. Любовь Дмитриевна двигалась плавно, говорила правильные фразы, её улыбка была безупречной. Но в её глазах… в её глазах идеаль-

ным отполированным стеклом застыла Пустота, за которой не было ничего…

— Света говорила, что вы тоже любите рисовать, — осторожно начала Оля, принимая от Любови Дмитриевны чашку с чаем.

— Да? — Любовь Дмитриевна удивлённо моргнула. — Ну, вряд ли это можно назвать рисованием… Я же просто оформитель в клубе. Афиши, объявления, иногда — декорации готовлю для детской театральной студии. Но это же не рисование? Я больше по кулинарии. Вот, попробуйте пирог! Сегодня среда, а по средам у меня всегда пироги!

Она начала рассказывать про рецепт пирогов с брусникой, который ей «всегда нравился». Она говорила, а я видел перед собой человека-функцию. Она дышала, моргала, улыбалась, но её здесь словно не было. Весь её мир сузился до этой уютной кухни, до этого пирога, до этой среды. Она была здесь физически, но её личность, её «я», было стёрто Шорохом в ноль. Я смотрел на неё, и меня пробирал животный ужас. Вот что ждёт каждого из нас, если кончатся якоря. Не смерть, а нечто гораздо худшее — превращение в красивую, говорящую оболочку. Если я потеряю свои значки, я буду также сидеть и рассказывать про золотое сечение, не понимая, что это — замок на моей тюремной камере.

Мы ушли от неё подавленные. Теперь мы понимали Светку, почему она так горит нашей идеей разорвать путы «нулевой ниши». Оля всю дорогу молчала, только крепче сжима-

ла мою руку. Этот визит подействовал на нас сильнее любой угрозы Шороха...

Работа кипела, но результаты пока не складывались в картинку, которая могла бы подсказать мне следующий шаг.

Правда, оставался ещё один этап первоначального плана, ради которого я и копил свои якоря. Этап, направленный на провокацию Шороха. Почему-то я был уверен, что именно активные действия с моей стороны как раз и дадут нам то, что мы ищем. Откуда была такая уверенность — не знаю. Никак не выходил из головы тот странный сон — с рыжеволосой малышкой и странной формулой на чёрной доске. Формулой, которую написал я сам. Кстати сказать, тот сон был первым и единственным сном, который я увидел с тех пор, как пробудился. И даже значки, зажатые в руках перед сном, не помогали. Мне ничего не снилось. Остальным моим помощникам — тоже…

На стене над моей кроватью висел белый кусок бархатной ткани, на котором преданно алели уже тридцать две октябрятских звёздочки! И мне пора было уже выйти за границы дозволенного. Мне необходимо было проверить, насколько далеко я смогу зайти в попытках пробудить жителей посёлка, и как Шорох будет на это реагировать. Проверить как себя, так и того, кто диктовал нам правила игры внутри этой «нулевой ниши».

Результаты провокации превзошли все мои ожидания…

Глава 8. Пять плюс четыре равняется…

Тридцать две. Утром я первым делом пересчитал их. Тридцать две алых пятиконечных звезды на белом бархате. Они напоминали капли застывшей крови на снегу. Каждая — это прожитый, осознанный день. Каждая — мой щит и мой запас прочности. Думаю, мне хватит…

Я уже не пытался обмануть себя мыслями о «забытых таймерах». Кофеварка на кухне зажужжала ровно в тот момент, когда я коснулся ногами пола. Это был супер-сервис, отвлекающий от всяких хулиганских поступков. Среда ластилась ко мне, как котёнок, предлагая тепло, уют и предсказуемость, лишь бы я не смотрел в сторону стены на границе посёлка.

Я отцепил от бархата десять значков и пристроил их ровными рядами на внутренних карманах пиджака с обеих сторон, сразу почувствовав себя одним из известных вождей советского прошлого. Вот только — скрытного. Остальные значки я решил с собой не брать, имеющегося запаса должно было с лихвой хватить на несколько попыток. И это при условии, что моя провокация окажется успешной.

Я вышел из квартиры, и тут же наткнулся на соседа.

— Здорово, Кирилл Николаич! Морозец — во! Еле машину...

— Дядь Миш, — перебил я его, — подбросишь сегодня?

Он осёкся. Моргнул. В его глазах мелькнуло что-то странное — секундное замешательство, но он очень быстро справился с этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.